ГЖ 541
П 511

А. ПИРЕЙКО

НА ФРОНТЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖ541
П511

ИЗДАТЕЛЬСТВО СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК

ГЖ 541
П 511

ИЛ.

А. ПИРЕЙКО

НА ФРОНТЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ВОСПОМИНАНИЯ БОЛЬШЕВИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК
МОСКВА 1935

1 экз.

П
1984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ГЭЖ541 Р
П 511
ИЛ
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
К.П.(б)
195
35
6 89 26 У

ОТ РЕДАКЦИИ

1 августа этого года исполнилось двадцать лет, как разразилась мировая империалистическая война. Свыше четырех лет в этой войне истреблялись трудящиеся массы и разрушались созданные их руками ценности. В своих воспоминаниях т. Пирейко описывает главным образом условия пребывания в царской армии в период этой мировой бойни, о настроениях солдатской массы, а также о ее разложении, несмотря на существовавший в армии суровый режим мордобоя и порки. Повествования автора интересны еще в том отношении, что в них удачными штрихами вскрывается затаенная среди солдат тяга к миру, которая постепенно оформляется в отрицание империалистической войны, чуждой солдату-крестьянину, составлявшему подавляющее большинство царской армии. Далее, не меньший интерес представляет и та часть воспоминаний, где описывается состояние армии в период керенщины и предательская роль эсеровско-меньшевистских партий, стремившихся после Февральской революции к продолжению империа-

листической войны, и как, несмотря на всяческие препятствия, благодаря большевистской пропаганде, солдатские массы постепенно убеждаются, что только руководимая В. И. Лениным партия большевиков указывает им верный путь к окончанию этой, затеянной буржуазией бойни. В этом отношении на долю автора воспоминаний, как и других большевиков, попавших в царскую армию, выпадает ответственная задача в тяжелых условиях травли большевиков быть проводником в деле большевизации широких солдатских масс, которые, наконец, изгоняют своих мнимых друзей, эсеров и меньшевиков, из армейских комитетов и под руководством нашей партии становятся на путь пролетарской революции, положившей конец империалистической войне.

РИЖСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАТЫШСКОЙ СДРП ПЕРЕД ВОЙНОЙ И В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ 1914 ГОДА

После восьмимесячного одиночного заключения в Крестах по делу Петербургского комитета РСДРП(б) в ноябре 1909 года я был переведен в пересыльную тюрьму и затем выслан на родину под негласный надзор полиции с лишением права жительства в столице. Пробыв на родине около двух месяцев, в январе 1910 года я вновь нелегально вернулся в Петербург. Однако вскоре по настоянию врача нашего профсоюза я вынужден был покинуть Петербург и уехать в Ригу, так как начавшийся еще в тюрьме туберкулез легких, вследствие петербургских климатических условий, стал принимать угрожающие формы. Перед отъездом я получил из Риги письмо от тов. К. Харевича, в котором он жаловался на чрезмерную конспирацию рижской организации и просил захватить с собой явку. Я был поражен неосторожностью товарища, который, как впоследствии выяснилось, оказался душевнобольным, отчего и умер в больнице в Петербурге в 1912 г. Именно потому, что он мне об этом написал, я никакой явки не взял.

В апреле 1910 года я приехал в Ригу и устроился там на работу в литографии Бирмана, где было много петербургских печатников, однако никто из них с латышской организацией связей не имел. Выяснилось, что завязать связи здесь было действительно нелегко, так как в латышской организации очень строго соблюдались правила конспирации. К тому же рядовые партийцы-латыши с недоверием относились к приезжим русским товарищам. Однако, несмотря на это, нам вскоре все же удалось установить связь с местной партийной организацией. Произошло это таким образом. По моей инициативе в литографии был организован большевистский кружок из петербургских рабочих-печатников. Нашим кружком заинтересовались работающие с нами латыши-партийцы и однажды, когда я шел с работы, неожиданно у ворот фабрики рабочий латыш т. Крастынь познакомил меня с прилично одетым молодым человеком, который являлся представителем Русского культурного центра (РКЦ). Это был Павел Иванович Кушнер. В присутствии тов. Кушнера было созвано заседание нашего кружка, от которого я был избран в члены Русского культурного центра. Русский культурный центр являлся филиалом рижской организации латышской с.-д. партии, который вел партийную работу среди рабочих, не знавших латышского языка, которых в Риге было не мало. Рижская организация того времени в своей массе была большевистской организацией и тем не менее в руководящих органах Рижского комитета и в особенности в ЦК латышской СДРП были и меньшевики. Правда, в Латвии того времени среди латышей почти не было

таких меньшевиков, которые отрицали бы нелегальную организацию, как это было в Петербурге или в Москве. Да и большевики-латыши были несколько иного толка, чем петербургские или московские. Делать анализ латышской организации того времени не входит в мою задачу. Скажу только, что наша русская организация (РКЦ) была организацией большевистской, и между нами и Рижским комитетом нередко возникали разногласия по вопросам оценки меньшевизма. Так, например, к организованному Троцким в 1912 году августовскому блоку Русский культурный центр занял резко отрицательную позицию, в то время как в РК по этому вопросу были большие колебания. Русский культурный центр в своей работе руководствовался директивами заграничного ЦК большевиков, что очень не нравилось РК, упрекавшему нас в анархизме. Рига имела еще ту особенность, что здесь более жестоко расправлялись с революционерами. Так, например, если в Петербурге за принадлежность к партии суд давал ссылку на поселение, в Риге же не меньше 4—5 лет каторги, да и в тюрьме обращение с политическими было более жестокое, чем в Петербурге. Однако благодаря обширной сети всякого рода обществ — музыкальных, певческих, вплоть до пожарных добровольных дружин — в Риге условия для партийной работы были благоприятны. Хотя по своему характеру большинство этих обществ и являлись мелкобуржуазными, однако они все же пробуждали интерес к общественной жизни. Благодаря существованию такого рода обществ было легко организовывать и рабочие клубы, которые

очень часто устраивали экскурсии за город, а в это время среди членов клуба велась партийная агитация. Имея свой легальный рабочий клуб под названием «Образование», наша русская организация имела возможность охватить большевистской пропагандой широкие массы рабочих. Рабочие выступления по случаю ленского расстрела 4 апреля 1912 года, бакинских событий 1914 года, страховой кампании, 1 мая, 9 января и т. д. Рига занимала после Петербурга одно из первых мест в истории рабочего движения.

В 1914 году в Риге так же как и в Петербурге дело доходило до баррикадных боев, и мы убеждены были в неизбежности надвигающейся революции, но вот началась война, и движение прекратилось. До войны каждый из нас читал в большевистских газетах и журнале «Просвещение» статьи о росте милитаризма и о приближении войны, однако я не помню, чтобы наша партийная организация когда-либо обсуждала вопрос о том, что мы будем делать, когда начнется война. В первые дни мобилизации в нашем клубе «Образование» собралось 300 человек рабочих. Зал больше вместить не мог. Кушнер П. И. выступил с докладом о текущем моменте, начав свой доклад с сообщения об убийстве Жореса во Франции, как ярого противника войны, при чем рассказал и о предыдущих войнах, в особенности подробно остановился на русско-японской войне, каких она стоила жертв и к чему эта война привела. Указал докладчик и на то, что эта война — такая война, каких еще не было в истории, и если этой войне будет суждено затянуться, то она неизбежно

должна привести к социалистической революции. В прениях выступил анархист Блейхман, который всех социалистов, в том числе и большевиков, обозвал изменниками и призывал собравшихся немедленно вооружаться и избивать городовых и капиталистов. Блейхман производил впечатление ненормального человека, некоторые даже думали, не является ли он агентом полиции, поэтому его выступление не имело никакого успеха.

Первые дни мобилизации мы склонны были утешать себя надеждой, что вот где-нибудь в Германии, Франции или Англии по призыву II Интернационала начнутся политические забастовки протеста против империалистической войны, и мы, русские пролетарии, поддержим эти забастовки, но этого не случилось, а наоборот, все социалистические партии II Интернационала, кроме большевиков, приняли участие в войне вместе со «своими» правительствами. В Риге, во время первой мобилизации, в центре города на Александровской улице, у памятника Петру I рабочими была разогнана патриотическая демонстрация, разорван национальный флаг, после чего группа запасных и рабочих выбросила красный флаг и запела «Марсельезу». Полиция от неожиданности растерялась и никого арестовать не успела. Рига была объявлена на военном положении. Война вступила в свои права, и Рига вместо прежнего промышленного центра превратилась, в виду близости к театру военных действий, в военный лагерь. Начали прибывать войска из центральных городов России. Промышленность, работающая на заграничном топливе, стала работать с большими перебоя-

ми, вследствие чего безработица увеличивалась с каждым днем. В особенности быстро росла безработица в легкой промышленности, в частности в полиграфической и текстильной. После небольших перебоев металлургические заводы были приспособлены для работы на военные нужды. Буржуазная печать перестроилась на ура-патриотический лад. В буржуазной прессе писали, что немецкие с.-д. сожгли красное знамя и голосовали в рейхстаге за кредиты на войну, и что Жюль Гед во Франции и Вандервельде в Бельгии вошли в министерства своих правительств. Директив от латышского ЦК мы не получали никаких, а наша пресса, как «Правда» и журнал «Просвещение», была закрыта, и мы не знали толком, как нам перестроить работу своей организации. То, что мы большевики, являемся противниками империалистической войны и должны объявить войну войне,— это мы твердо знали, но мы не знали, как перестроить свои ряды, чтобы в этом направлении повести работу в массах. В обществе «Образование» так же как и до войны устраивались собрания. Среди меньшевиков стали появляться оборонцы. Вместе с тем наблюдался и отлив рабочих от меньшевиков, которые в своей массе не являлись оборонцами.

В момент объявления второй мобилизации, в сентябре, Русский культурный центр решил созвать в обществе «Образование» актив русской большевистской организации, чтобы на этом собрании наметить программу нашей партийной работы. Для того, чтобы скрыть действительный смысл нашего собрания от полиции, мы решили в протоколе со-

брания записать, что будто бы мы обсуждаем вопрос о том, как помочь семьям членов нашего общества, мобилизованных на войну. На самом же деле собрание началось с обсуждения письма Вандервельде «К русским рабочим». В этом письме Вандервельде, как представитель II Интернационала, призывал русских рабочих помочь царскому правительству вести войну против Германии. Письмо это было напечатано в буржуазных газетах. В момент обсуждения этого письма ворвалась полиция в помещение общества, и все собравшиеся были арестованы и под усиленным конвоем направлены в ближайший участок, однако к вечеру почти все арестованные были освобождены. Вымышленный протокол сбил полицию с пути. Пристав лишь обругал председателя общества за то, что он, как председатель, не возбудил перед полицией вопрос о разрешении на устройство этого собрания и оштрафовал его на 5 руб. Мы остались довольны, что так удачно обманули полицию.

Все же вопрос о том, как перестроить партийную работу применительно к военным условиям, остался нерешенным, что волновало каждого из нас. По всем данным было видно, что война началась «всерьез и надолго». Собрания в обществе «Образование» продолжались. В порядок дня встал вопрос: что же должны делать члены партии, подлежащие мобилизации, — уклоняться или являться? Партийная организация предоставила право каждому члену партии решать этот вопрос для себя, в зависимости от обстоятельств. Фактически имели возможность уклоняться от моби-

лизации лишь те товарищи, которые работали или сумели устроиться на работу на заводы, работающие на оборону, где подлежащие мобилизации считались военнообязанными. Война тяжело ударила по нашей организации, ибо в конце 1914 года и в начале 1915 года многие наши товарищи, уцелевшие от мобилизации, были арестованы и высланы в административном порядке в Сибирь, а кое-кто — как например т. П. Ф. Федоров, находящийся ныне в Тифлисе, и Лабковский, умерший в 1932 году, — получил по 4 года каторги. Пищущий эти строки также оказался безработным. Усиленно поговаривали о второй мобилизации.

ВТОРАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В РИГЕ И ОТЪЕЗД В ЕКАТЕРИНОСЛАВ

В средних числах сентября в Риге была объявлена вторая мобилизация, по которой призывались на военную службу все ратники первого разряда до 38-летнего возраста. По выражению генерала Ренненкампфа *, Ригу нужно было обезглавить как революционный центр. Ренненкампф сказал: «Для того, чтобы успешно вести войну, прежде всего надо обезглавить революцию, т.-е. произвести мобилизацию в рабочих районах так, чтобы она коснулась всех рабочих до 40-летнего возраста; оставшиеся же работать на оборону, как военнообязанные, вынуждены будут укротить революционный пыл».

---

* Командующий Виленским военным округом

Вторая мобилизация в Риге, как в пролетарском центре, этого вполне достигла. Мобилизация коснулась всего, что было здорового в рабочем классе. Часть рабочих ушла на фронт, а те, которые остались работать в качестве военнообязанных на заводах, покорно гнули спины, перенося какие угодно условия работы, лишь бы только избежать мобилизации. Мне, безработному, тоже не хотелось итти на фронт, особенно когда, побывав на сборном пункте, я увидел жестокое обращение с солдатами, которым неведомо за что в перспективе грозила смерть или инвалидность на всю жизнь.

Посмотрел я на эту историю и подумал: «А ну вас к чорту с вашей родиной! Пусть идет защищать ее тот, у кого она есть». Но что делать? Работы нет, получить ее в Риге— безнадежное дело. Решил поехать в Екатеринослав. До устройства на работу ночевкой в Екатеринославе я мог быть обеспечен, имея там хороших знакомых и товарищей. В первых числах октября 1914 года я был уже в Екатеринославе. Прежде всего передо мной стал вопрос: могу ли я прописать свой паспорт, будучи мобилизованным. Ознакомившись с екатеринославскими порядками и узнав, что в в Екатеринославе, принадлежавшем к Одесскому военному округу, мой год еще не был мобилизован, я решил прописать свой паспорт. Не доверяя дворнику, я взял из домовой конторы паспорт и сам пошел в участок для его прописки. В участке была большая очередь на прописку паспортов, а раз очередь, значит хорошо: детально разбираться некогда. Даю «барышне» 50 копеек, и

через 10 минут паспорт в руках. Теперь дело за работой. Но так как в Екатеринославе литографское дело, более мне знакомое, было развито слабо, найти работу по своей специальности мне не удалось. Зато удалось устроиться на гвоздильный завод Гантке за Днепром в качестве чернорабочего через некоего Вереича Федора, оказавшегося впоследствии провокатором. Жалованье было 80 коп. в день. Одежды, приспособленной к дворовой работе, у меня не было, а чтобы купить ее, надо было иметь 30 руб. Накопить такую сумму денег при заработке 80 коп. в день было очень трудно. Пришлось эту работу бросить. Через некоторое время т. Самуил устроил меня на мельнице на поденную работу по 1 руб. 40 коп. в день. Здесь моя работа заключалась в том, что во время мороза, когда замерзали трубы, я нагревал воду и носил ее в бак, чтобы не допустить приостановки работы на мельнице. Работать приходилось 3—4 дня в неделю.

Вереич, который устраивал меня на завод Гантке, работал секретарем страхкассы, получая 50 рублей в месяц. Он много расспрашивал меня про Ригу и, когда я заходил к нему, угощал меня обильными обедами из множества блюд. Хотя он и обещал устроить меня на лучшую работу, однако, не желая вводить его в расход, я скоро перестал к нему ходить. К тому же мне казалось странным, как этот человек, получая 50 рублей в месяц и имея ребенка и жену (причем жена училась где-то на курсах, за что нужно было платить 15 рублей в месяц), может устраивать такие шикарные обеды. И только после Февральской рево-

люции выяснилось, что Вереич Федор кроме жалованья из страхкассы получал за свое предательство еще 85 рублей из охранного отделения.

Хотя в Екатеринославе в это время и не так сильно чувствовалась война, как в Риге, однако и здесь, чтобы избежать мобилизации, каждый стремился устроиться на завод, который работал для войны.

Широко развернуть партийную работу здесь также было трудно. К моменту, когда мне удалось по настоящему завязать связь с екатеринославской большевистской организацией, в Петрограде были арестованы депутаты думской большевистской фракции и в связи с этим в Екатеринославе также были произведены аресты среди большевиков, работников больничных касс, которые имели связь с думской фракцией. Между прочим в числе арестованных оказались Глебов-Авилов и В. В. Шмидт. На фоне патриотизма, которым были заражены все политические партии включительно до меньшевиков и эсеров, единственно революционной партией, боровшейся против войны и царского правительства, была партия большевиков, поэтому вполне естественно, что все удары правительства были направлены против нашей партии. Так как вследствие полицейских гонений рабочим-большевикам было чрезвычайно трудно устроиться на работу в качестве военнообязанных, то в нашей организации наблюдались случаи, когда малодушные товарищи отходили от партийной работы.

Однако, в связи с дальнейшим развитием военных действий, после ареста большевистской думской фракции, в рабочей массе все более росла уверенность в правильности позиции большевиков.

ВТОРАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Турция объявила войну России, и в Екатеринославе была назначена на 1 января 1915 года вторая мобилизация ратников первого разряда. В число мобилизованных попал и я, а также некоторые знакомые мне меньшевики-оборонцы. Многие из этих меньшевиков-оборонцев, еще вчера призывавших рабочих итти в армию для «защиты отечества», не имея возможности остаться военнообязанными на заводах, прибегали к найму больных людей, посылали их со своими документами к воинскому начальнику и таким образом освобождались от военной службы, как больные. Были и такие среди них, которые, пользуясь неясностью своего документа, по которому трудно определить, ратник ли он первого или второго разряда, просто не являлись по мобилизации и продолжали работать. Эти примеры оказались заразительными и для меня тем более, что я никого не призывал защищать «отечество», а наоборот, считал, что поражение самодержавия в войне приведет к революции. Однако человек, который пошел вместо меня на освидетельствование, был признан годным, и мне пришлось пойти на войну.

Я явился на сборный пункт и как не служивший никогда в солдатах по неопытности зашел прямо в кабинет к воинскому начальнику. Последний, когда узнал, что я мобилизованный, выгнал меня вон из кабинета и указал на двор, где собираются все мобилизованные. Чтобы создать у мобилизованных впечатление, что в солдатах не так уж плохо, кормили нас у воинского на-

чальника гораздо лучше, чем в остальных воинских частях.

Хаос у воинского начальника создался такой, что, несмотря на ежедневную отправку мобилизованных, можно было безнаказанно оставаться здесь недели две, а то и месяц; тем не менее громадное большинство мобилизованных старалось скорее попасть в партию отправляемых в ту или иную воинскую часть. Меня отправили с последней партией. Дали нам офицера для сопровождения, который произнес нам напутственную речь, смысл которой сводился к тому, что он-де начальник строгий, и что тот, кто в дороге посмеет отставать, будет строго наказан. Это было 11 января, когда нас, ратников, большинство которых никогда не служило на военной службе, повели под командой старых солдат на вокзал. Когда начали нас погружать в вагоны, раздались душераздирающие крики и плач женщин, родственников и близких мобилизованным. Около вагонов были расставлены жандармы, которые теснили провожавших. Жены мобилизованных от горя рвали на себе волосы, цеплялись за буфера вагонов, чтобы остановить уходящий поезд с близкими людьми. Вой поднялся такой, что казалось, словно провожают людей на кладбище. Поезд отошел без звонка, как и все воинские поезда. Куда везут, в какой город и зачем — никто из мобилизованных не знал, и только через два дня мы узнали, что нас привезли в Киев, где и определили в 433 киевскую пешую дружину.

ИЛ

ИМЭЛ при Ц.К.В.К.П.(б)
68926.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ В КИЕВЕ

Политика начальства была такова, что если солдат мобилизован в одном городе, его непременно для прохождения военного обучения пошлют в другой. Поэтому мы, мобилизованные в Екатеринославе, очутились в Киеве. Нечего и говорить, что солдатские казармы были битком набиты. Занятия были распределены так, чтобы у солдата не оставалось ни одной свободной минуты. В 5 часов утра будят: «Вставай!», причем каждый оклик сопровождается густой матерщиной. Встаем, пьем чай. В 6 часов кричит дежурный по роте: «На занятия!» и опять следуют отборные ругательства. Строимся, идем на занятия. В 12 часов обед; приходим за обедом — знакомый голос кашевара: «Вы что, сукины дети, так рано пришли? Обед еще не готов». Наконец обед готов, раздается голос того же кашевара: «На молитву!» И опять крепкое ругательство. Солдаты поют предобеденную молитву: «Очи всех на тя, господи, уповают»... В этот момент, заметив, что какой-то солдат не поет молитвы, кашевар кричит на него: «Ах, ты, сукин сын, ты что богу не молишься?». Солдат этот оказался евреем и, естественно, не зная русских молитв, не молился, получив за это зуботычину. После обеда и мытья чашки, сопровождая опять отборной руганью, гонят вновь на занятия. В 5 часов ужин, после ужина уроки «словесности», на которых солдаты изучают воинский устав о гарнизонной и полевой службе, воинские чины и правила отдания чести.

«Долбили» солдатам как звать царя, его жену, детей, военного министра и т. п. Разъясняли также солдатам, кто внешний и внутренний враг. Внутренними врагами оказывались студенты, социалисты, «жиды» и вообще все те, кто борется против царя и существующего строя. Вместо с тем требовалось от солдата, чтобы он хорошо знал молитвы и любил бога и царя, причем все это вколачивалось в голову солдата с прибавлением тех же отборных ругательств — очевидно для большей убедительности. Если же у солдата оказывался хоть один свободный час до поверки, которая происходила в 9 час. вечера, то его заставляли петь песни под угрозой наказания в случае отказа. В праздник предлагают желающим пойти в церковь молиться. Раз можно не ходить, то и остаешься в казарме: подумаешь, какая прелесть ходить в церковь, да еще под командой! В будни надоело под командой ходить, а тут еще в праздник не дают отдохнуть! Остаешься в казарме, запасшись газетой, и думаешь: «Вот уж почитаю, когда в казарме станет свободней и меньше шума». В церковь ушли, в казарме стало свободно. Приходит дежурный по роте и кричит: «Ах, вы, сукины сыны! Кто не пошел в церковь, одевайтесь, пойдете чистить уборные и возить навоз!» Вот что значило «добровольное» желание ходить в церковь! На следующий раз поневоле будешь «добровольно» богу молиться, лишь бы избежать неприятной работы — чистить уборные и возить навоз. В конечном счете все равно такие работы проделывались солдатами: это делалось в порядке очереди, и только в наказание посы-

лали солдат вне очереди. Следовательно, за нехождение в церковь, тоже как бы полагалось наказание.

В церковь, как известно, ходили под командой. В следующий раз, выстроив роту, фельдфебель прочитал нравоучение солдатам: «Мы, солдаты, в том числе и я, — говорил он, — всегда ведем себя неприлично, употребляем без всякого стеснения нецензурные выражения... Это ничего: солдатам так и надо делать, но сегодня, когда мы идем в храм божий, надо воздерживаться так выражаться на паперти святого храма, и кого замечу в неисполнении моего словесного приказания, то морду набью!». Как только окончилась служба в «святом храме», тот же самый фельдфебель, который только что предупреждал не ругаться, подсчитывая роту, не досчитался двух солдат и опять пошел поминать мать.

Что такое солдат царской армии? Он должен был уметь богу молиться, хорошо ругаться, хорошо отдавать честь офицерам и в то же время не понимать, почему и во имя чего он должен воевать. Вся жизнь рядового солдата в казарме была так поставлена, что ему забивали голову всякой всячиной, и он не в состоянии был о чем бы то ни было мыслить. Надоест в казарме, в этом вечном шуме и гаме, пойдешь в город: комендант арестует тебя, посадит на гауптвахту, не сообщив об этом в часть, продержит месяц, а то и больше; придешь потом в часть, а тебя уже зачислили как дезертира и снова будешь наказан: за «самовольную» отлучку тебя поставят «под ружье» и начнут мучить такими работами, как

чистка уборных и конюшен. Находясь в такой обстановке, все же иногда хочется поделиться с товарищами по несчастью о том, кому и для чего нужна война. Но как начать, чтобы это не было заметно для начальства, так как солдатам о таких вещах рассуждать не полагалось? Попадалась иногда в руки газета «Последние новости» — бульварная газетка, издававшаяся тогда в Киеве. Так как солдаты интересовались прежде всего тем, что пишут о мире, то я читаю в газете, что «немецкие и турецкие солдаты устали от войны и воевать больше не хотят. А вот наши русские «чудо-богатыри» решили воевать до тех пор, пока не будет уничтожена угроза немецкого милитаризма». У человека мало-мальски развитого после прочтения такой глупой газетной заметки не может появиться ничего другого, кроме презрения и негодования против газеты и писаки этой заметки: но ведь среди солдат было так мало развитых людей! Хочется, придравшись к этой глупой заметке, завести разговор на эту тему и указать, что над нами смеются. Но как начать? Берешь газетку и нарочно идешь к своему ближайшему начальнику, отделенному командиру, спрашиваешь: «Что такое милитаризм?»

— А это зачем тебе понадобилось спрашивать о таких вещах, о которых я впервые слышу?

— Да вот пишут в газетах, что пока немецкий милитаризм не будет побежден, будет продолжаться война.

— Я не знаю, шо це таке, — говорит отделенный, — надо спросить взводного.

Идем к взводному. Взводный говорит: «А черты

его батьку знае, шо це таке». Взводный спрашивает фельдфебеля. Фельдфебель говорит, надо у ротного командира спросить, но к ротному не пошли спрашивать, так как ротный командир был в царской армии недосягаемой величиной. Мне нужно было начать с солдатами разговор о войне, и я начал с объяснения, что такое милитаризм и империализм и т. д. Солдаты разразились самой отборной руганью по адресу писаки этой газетной заметки: «Нас насильно гонят на эту проклятую войну, мучат здесь, а он еще пишет, сукин сын, что мы сами хотим воевать. Сволочь этакая!» Солдаты в большинстве были полуграмотные, а то и совсем неграмотные, плохо разбирались, что такое война. Однако они все же инстинктом чувствовали, что война им не нужна, и потому всякую толковую критику войны слушали с жадностью. Все участники нашей беседы единогласно пришли к выводу, что турецким, немецким, русским и каким бы то ни было солдатам эта война нужна так же как собаке палка. Такими окольными путями приходилось подходить к солдату, чтобы вызвать в нем сознательное негодование против войны и царского самодержавия. Но такие беседы с солдатами давались нелегко, так как они преследовались начальством беспощадно. Агитатору нужно было держать ухо востро, так как благодаря своей неразвитости и вытекающей отсюда наивности солдат легко мог проболтаться там, где следует молчать.

Армия настолько была безграмотна и неразвита, что не отдавала себе ясного отчета в том, что происходит вокруг нее. Вековое воспитание в

духе религиозного смирения и преданности царю оказывало свое действие, и на данной стадии войны армия была так настроена, что ее без всякого труда можно было вести на убой куда угодно и за что угодно.

В последних числах января, в самую сильную стужу, последовал приказ, что в Киев приедет царь делать смотр войскам. Что значит для солдата приезд царя? Это — целая пытка. При встрече царя солдаты должны выглядеть молодецки, хорошо отвечать на приветствие, хорошо ходить в ногу, но, чтобы этого достигнуть, солдат мучают день и ночь, так что для сна времени не остается — с 3 часов ночи до 9 часов вечера солдаты должны быть на ногах. Сплошь и рядом такой беспардонной «учебой» достигались обратные результаты, так как измученные люди не могут выглядеть «молодецки». Тем не менее солдатам все же хотелось видеть царя. Это было учтено и начальством.

В день встречи царя предложено было желающим добровольно пойти на кухню чистить картошку (в обычное время мы делали это по очереди), и я пошел добровольцем на кухню, отказавшись от «счастья» видеть царя. Но муштровка накануне приезда царя даром для меня не прошла: я заболел, попал в околоток и затем в комиссию. Меньше всего солдат во время империалистической войны боялся болезни: болезнь была для него единственным отдыхом, и солдат не только не боялся болезни, но стремился заболеть, попасть в лазарет. Итак, я попал на комиссию с надеждой освободиться по болезни хотя бы на шесть ме-

сяцев. Что комиссия у меня нашла — я не знаю и до сих пор; только помню, что после этой комиссии последовал приказ о выделении из всей дружины, где было до 2.000 чел., 200 человек умственно и физически слабых и о оставлении из них этапной роты для сопровождения пленных. В эту этапную роту попал и я.

Командный состав этой роты был подобран из запасных солдат не ниже 40-летнего возраста и из слабосильных молодых. Режим в этой роте был первое время необычайно мягок. Отправка нас в Галицию замедлялась, военной учебой нас перестали мучить, поэтому времени было достаточно для чтения газет и прочего. Чтением газет я обратил на себя внимание бывшего моего непосредственного начальника, отделенного командира, из подчинения которому я вышел после назначения меня в этапную роту. Этот начальник настолько возненавидел меня, что никак не мог хладнокровно пройти мимо нар, на которых я, обычно лежа, читал газету. «Вот какие графы у нас развелись; мобилизовали их для того, чтобы они тут газеты читали в то время, когда нужно нести военные обязанности». Газеты читают, по его мнению, только помещики и вообще праздные люди.

Безделье этапной роты нервировало остальную солдатскую массу, которая в большинстве походила по своему развитию на этого отделенного, и действовало на нее разлагающе. Высшее начальство это заметило и поспешило этапную роту опять распределить по строевым ротам. И я как раз снова попал в подчинение к своему бывшему отделенному, который потом мне действительно

отомстил за чтение газет. Тяжесть военной службы заключалась не только в том, что она вообще была тяжела для рядового, но, главным образом, в том, что каждый даже мелкий «чин» имел право над солдатом издеваться, как ему вздумается.

Многие солдаты после этих издевательств наживали болезни, которые делали их нетрудоспособными на всю жизнь. Эти издевательства заключались в том, что солдата беспрерывно заставляли бегать по тому или другому поводу, после чего солдат вспотеет, простудится, но несмотря на это, его еще ставят дневальным вне очереди и посылают на тяжелые работы. Вот в такие условия пришлось попасть и мне. Но отделенный ошибся. Я ловко симулировал, что не могу бегать и не бегал; когда бывало поставят дневальным вне очереди, я преспокойно ночью ложился спать на посту, как ни в чем не бывало. Но вот последовал приказ о том, что из нашей дружины должна быть сформирована маршевая рота для пополнения фронтовых частей. Началось формирование маршевой роты, и мне пришлось по «милости» моего отделенного за свое непослушание и упрямство попасть в список этой роты. Но высшее начальство по формальным соображениям, так как я уже числился в списке этапной роты, этого не утвердило, и мой отделенный «остался с носом».

Формирование маршевых рот из ратников ополчения сопровождалось тем, что каждый старался откупиться и отдалить момент вступления в эту роту: фельдфебеля, взводные, кадровые тыловики

при формировании маршевых рот наживались недурно.

Темный, несознательный человек живет несбыточными надеждами и иллюзиями. Объявлена мобилизация — идет покорно, нисколько не сопротивляясь с надеждой на признание больным и на освобождение от службы; если не признали больным, надеется попасть в тыловую часть и таким образом избежать фронта; если не избежал, попал на фронт, тогда начинает мечтать после легкого ранения попасть в госпиталь или оказаться в плену. Но если бы солдаты думали, что они будут убиты или искалечены на всю жизнь, то едва ли их можно было так легко гнать на убой «за веру, царя и отечество», как быков, без всякого с их стороны сопротивления. Скоро угнали и нашу этапную роту, и я в средине марта 1915 г. очутился в Галиции.

ГАЛИЦИЯ И НАШЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Рота наша была названа 57 этапной ротой; расположилась она сравнительно в далеком тылу, в городе Раве-Русской. Хотя этот город и считался в районе действующей армии, но так как вся Галиция была занята русскими войсками, то Раву-Русскую можно было считать глубоким тылом. Галиция сама по себе очень красива. Рава-Русская очень живописный маленький уездный городок. В первые месяцы своего пребывания в Галиции русская армия пользовалась некоторым сочувствием со стороны местного населения, среди которого было много украинцев. Россия казалась им более близкой, чем Австрия. Благодаря политике

русского правительства это сочувствие с каждым днем падало. Галицийский губернатор, граф Бобринский, немало поработал, чтобы свести его к нулю. Вместо того, чтобы организовать тыл так, чтобы возможно было удержаться в Галиции, там собрали все черносотенное духовенство, во главе с епископом Евлогием, которое занялось не только ремонтом старых, но и строительством новых православных церквей, на что были затрачены огромные средства. Кроме того, там на все тыловые должности как военные, так и гражданские было посажено бездарное русское черносотенное чиновничество, которое кроме организации еврейских погромов было способно лишь заниматься и занималось пьянством и воровством казенного имущества, рассчитывая таким путем составить себе капитал на черный день.

Полковник Барановский, начальник гарнизона в Раве-Русской, которому была представлена наша этапная рота, сказал нам следующее напутствие: «Братья-солдаты! Мы, русские, не желали войны, но нам ее навязали германцы и австрийцы, которые хотят завладеть всем миром; но раз она началась вопреки воле нашего государя императора, то мы должны ее закончить во что бы то ни стало победоносно. Несмотря на их могучую технику, мы побеждаем и будем побеждать и водим австрийцев в плен, как свиней. Но, братья-солдаты! Смотрите, вам придется сопровождать пленных, не вступайте с ними в разговоры: среди них есть шпионы и социалисты, которые будут говорить вам, что войны не нужно. Таких не слушайте, а передавайте их начальству».

Речь полковника пришлось «намотать себе на ус», она дала пищу для беседы с солдатами в казарме, которые в своем большинстве и не слыхали, что такое социалист. Однако, несмотря на свою темноту и безграмотность, солдаты хотели знать, кто же в конце концов виноват в том, что их оторвали от дома, семьи и послали зачем-то сюда, в Галицию, и кто такие социалисты, которые против войны. Началась беседа, в результате которой солдаты пришли к выводу, что война им не нужна и что социалисты, пожалуй, правы, отрицая ее. Что же касается пленных австрийцев, то им пожалуй сейчас лучше, чем русским солдатам, так как они возвратятся из русского плена домой невредимыми, между тем как неизвестно, что еще ожидает русских солдат впереди. «Ну, что же, — рассуждали солдаты, — их водят как свиней, а нас как гусей что ли? Полковнику надо же что-нибудь говорить, раз он получает хорошее жалование, да еще сидит в тылу в лучших условиях, чем мы дома». Таким путем приходилось вести агитацию среди солдат против войны. Чтобы не возвращаться больше к рядовому солдату, скажу лишь, что он меньше всего думал о том, чтобы победить неприятельскую армию; солдат целиком был занят мыслью, как бы ускользнуть из опасного места фронта, и к пленным не имел никакого иного чувства, кроме зависти.

Мне и на этот раз «повезло». Вместо того, чтобы быть простым конвоиром, по счастливой случайности я был назначен ротным писарем, что считалось большим счастьем для солдата. Как писарю, мне прежде всего приходилось иметь дело с плен-

ными при их приеме и подсчете. Первая партия пленных, которую пригнали к нам на этап, состояла из 15000 австрийских солдат, взятых в плен в Перемышле. Среди них было много галичан, так называемых русин. Они были очень довольны тем, что попали в плен именно в Россию. Многие из них вскоре же добровольно вступили в русскую армию. Но, будучи вначале расположенными к России, они быстро разочаровались, увидев русские порядки. Меня, как ротного писаря, загрузили ходатайствами пленных, которые просили разрешения у этапного коменданта побывать в расположенных недалеко от этапа своих деревнях, у родственников. В случае разрешения они были готовы вступить в русскую армию. Я им разъяснил, что никакой комендант о таких пустяках с ними говорить не будет, и потому легальным путем побывать им дома и повидаться с родственниками не удастся; если они хотят побывать дома, то им надо просто итти домой без всякого разрешения, так как мы здесь их не записываем по фамилии, а считаем как арбузы. «Не все ли нам равно,— говорил я им,— пойдете ли вы вглубь России с этой партией, с которой прибыли, или с другой? Идите домой, кому близко, но с условием: об этом широко не распространяться, а то будет плохо и для меня и для вас, если узнает высшее начальство». После такого совета к вечеру много пленных разбежалось по домам; на этапе произошел переполох, и после этого случая усилили надзор за военнопленными.

В это время в газетах много писали, как плохо живется русским военнопленным в Германии. Как

мы знаем, русским пленным в Германии действительно жилось несладко, но тогда самый неразвитой солдат не верил этим описаниям, так как при палочной дисциплине и в своей армии русскому солдату жилось тоже не сладко. Не видя никакого смысла в войне, солдаты вообще никаким патриотическим газетам не верили и при первой возможности «пачками» переходили в плен к противнику; то же делали австрийцы и солдаты других воюющих стран. Таким образом в своем роде происходил между странами обмен народом.

Военнопленным во всех воюющих странах жилось очень скверно. Помимо издевательств, которым зачастую они подвергались, им нередко приходилось голодать. Также голодали и проходящие через этап пленные у нас, если они не имели своих денег. Им выдавалась меньшая порция, чем русским солдатам. Кроме того на этапе их немилосердно обкрадывали. Что такое этап? Это был в своем роде воровской притон, где начальство заключало жульнические сделки с подрядчиками на доставку продуктов для пленных.

В виду полной безнаказанности, в результате этих сделок пленные получали лишь половину причитающихся им по норме продуктов, так как вторая половина разворовывалась чинами, которые ведали снабжением. У нас на этапе в это время работал в качестве писаря солдат Медведовский, социал-демократ неопределенного направления, считавший себя противником оборончества. С Медведовским я познакомился еще в киевских казармах. Среди австрийских пленных Медведовскому удалось найти одного социал-демократа, который,

будучи военнопленным, работал в мастерской в качестве столяра. Так как Медведовский знал немецкий язык, то я через него добился знакомства с этим австрийским социал-демократом, имея в виду, что нас будет три с.-д., а потом может быть еще кто найдется и мы составим коллектив, и тогда будет легче вести агитацию против войны. Однако при первом же знакомстве с австрийским социал-демократом пришлось в нем разочароваться. Он оказался самым гнусным шовинистом и стоял за оборону своей страны, сожалея, что он в плену. В виду того, что Россия является страной реакционной, то, по мнению этого социал-демократа, русские социал-демократы должны быть пораженцами, а австрийские должны добиваться победы над Россией и, следовательно, продолжать войну. Никакие доводы, которые я приводил в обоснование империалистического характера войны, против которой должны бороться социал-демократы во всех воюющих странах, стремясь превратить ее в войну гражданскую против своих правительств, переубедить австрийца не могли, и мы расстались политическими врагами. С организацией коллектива таким образом ничего не вышло. Вскоре Медведовского забрали в строй, а меня прогнали с должности писаря, так как фельдфебелю нужен был человек, который мог бы помогать ему обворовывать пленных.

С самого начала войны в русской армии было сильно развито мародерство. Много было таких солдат, которые, продав полученное обмундирование, являлись на этап почти голыми; их одевали, они опять продавали и на другой этап являлись

в том же виде и т. д. Кроме того под видом реквизиции солдаты-мародеры забирали у галичан скот, выдавая им простые записки, по которым нигде и никто не платил. Таким путем довели завоеванный край до полного обнищания, в то время как мародеры обогащались, посылая домой по 300—500 рублей. С мародерством не велось никакой борьбы. Никто не интересовался вопросом, откуда солдат берет большие по тому времени деньги, чтобы посылать домой. А как поступали с еврейским населением в Галиции? Так, например, начальник гарнизона полковник Барановский считал, что все зло в евреях; он не разбирался ни в политике, ни в административных делах и тем более в военном деле. Вся его «заслуга» была лишь в том, что он состоял в «Союзе русского народа»*. Ему было вполне достаточно, если русские солдаты-мародеры приведут к нему типичного старого еврея с пейсами и скажут, что это — шпион. Полковник без разбора приказывал пороть несчастного еврея розгами, а после розог сажал в тюрьму, где подобранное хулиганье совсем его приканчивало, будучи уверено, что это пройдет совершенно безнаказанно. Вследствие поощрения мародерства, мародеры не стеснялись применять всяческие способы в своих вымогательствах. Бывали случаи, когда два солдата берут сапоги и несут их продавать какому-нибудь еврею. Еврей отказывается их покупать, так как покупать казенное имущество запрещено; тогда мародеры грозят свести еврея

---

* Черносотенная, реакционная организация, боровшаяся за сохранение самодержавия.—*Ред.*

к Барановскому. Зная кто такой Барановский, еврей соглашается купить сапоги. Тогда же к купившему сапоги подходит третий солдат и, изображая из себя жандарма, спрашивает: «Ты купил у солдата сапоги?» — «Да нет, никаких сапог я не покупал», — оправдывается еврей. «Ну, поведем его к Барановскому!». Чтобы избавиться от грозящей ему опасности, еврей отдает купленные сапоги; однако его все же тащат вместе с сапогами к Барановскому и оставляют в покое только тогда, когда он в виде откупа дает еще требуемую сумму денег. Однако издевательство над евреями заключалось не только в этом. Очень часто начальство в порядке выполнения приказа посылало солдат на еврейские погромы. Как-то в мае месяце тем же Барановским было предложено в порядке приказа вооружить 57 этапную роту холодным оружием, палками и прочим и послать в город на еврейский погром. Однако к счастью на этот раз погром не состоялся вследствие неподходящего для этой цели состава роты, в которой начался тихий ропот солдат, нежелавших быть громилами, а также вмешательства в это дело либеральничавшего заместителя начальника гарнизона полковника Глена.

По еврейским погромам тогда можно было судить о положении дел на фронте. Когда русская армия отступает, то точно в отместку за отступление усиливаются еврейские погромы. И наоборот, при малейшем успехе русской армии еврейские погромы ослабевают, а то и совсем сходят к нулю. В тот момент, о котором идет речь, погромы усиливались с каждым днем, и в то же время газеты

наши, например «Червонная прикарпатская Русь», не переставали трубить о несуществующих подвигах русской армии при взятии Карпат и Перемышля, хотя Перемышль был уже сдан неприятелю, и с Карпат русская армия была оттеснена в течение трех дней.

Беспорядочное отступление русской армии опять привело к усилению еврейских погромов. Начался невообразимый хаос. Дезертирство из армии приняло колоссальные размеры. В это время по случаю болезни я находился в околотке. Болезнь — это отдых, и больным все завидовали. Полежав с неделю в околотке, я, по ходатайству врача, как не вполне оправившийся от болезни, получил легкую службу. Заключалась она в охране ледника с продовольствием для солдат. Вблизи этого ледника мне была отведена в еврейской семье отдельная комната. Два раза в день я открывал артельщику ледник, выдавал продукты, а остальное время у меня было свободно. Такая служба дала мне возможность регулярно следить за газетами и бывать во многих воинских частях, которых было немало в районе Равы-Русской. В ожидании неприятеля в этом районе возводились укрепления.

Подвергаясь всяческим лишениям и опасностям, солдат не мог не интересоваться вопросом, что такое война, во имя чего она ведется и кому она нужна, а главное, кто является виновником этой войны. В это время до армии дошли вести о том, что во время патриотических манифестаций в Москве произошел немецкий погром. Большинство солдат русской армии считало главными виновни-

ками войны немцев, которые пришли, мол, в Россию, позанимали лучшие места на фабриках, заводах и даже в армии, благодаря тому, что царица была немкой. Однако, мол, этого немцам оказалось мало и они затеяли войну, чтобы победить Россию и окончательно завладеть ею. Такого рода рассуждения большинства солдат царской армии способствовали росту погромного настроения против немцев. В то же время для агитации против войны в армии материала было более чем достаточно. Обычно при отступлении армии условия для агитации против войны всегда были благоприятны, потому что наряду с ослаблением режима ослабевает и «уважение» к офицерскому мундиру. В такое время умелый партийный агитатор в армии бывает ценнее целого партийного комитета в тылу. В эти моменты даже из среды мобилизованного молодого офицерства можно услышать отдельные голоса недовольства.

Как-то на кухню в одну из воинских частей зашел офицер-прапорщик и затеял с солдатами разговор о неудачах русской армии, которые происходят, по мнению прапорщика, от того, что в русской армии много изменников, предателей, шпионов на высших командных постах, как военный министр Сухомлинов, по вине которого армия осталась без снарядов, Мясоедов, который предал немцам целые корпуса, и т. д. Затем «оратора» прапорщика сменяет прекративший мешать лопатой кашу в котле кашевар — толстый флегматичный солдат, который бросает следующую реплику: «По моему, коли уже начинать, так начинать с головы» (т.-е. с самого царя Николая). «Какой это царь,

который окружил себя ворами, жуликами и всякими мошенниками. Ясное дело, что этак мы войну проиграем». Прапорщик, который невольно оказался инициатором этого «митинга», не знал, куда ему деваться. Зная, что если высшее начальство узнает об имевших место такого рода разговорах в его присутствии, то ему не сдобровать, прапорщик поспешил из кухни ускользнуть. Так росло недовольство в армии.

Только казаки наружно держали себя устойчиво и старались быть преданными «царю и отечеству», и потому с ними говорить нужно было осторожно. Однако при наличии усовершенствованной артиллерии и воздушного флота они были мало пригодны для войны. Зато по части грабежа и погромов казаки были незаменимы. И каждый раз при отступлении русской армии, в особенности там, где много было еврейского населения, казаки устраивали «Варфоломеевскую ночь». Под видом еврейского погрома, что вообще считалось легальным и полезным делом, они сплошь и рядом избивали и грабили мирное галицийское население без различия национальностей. Хотя участвовали в этом грязном предприятии и солдаты, однако основные банды погромщиков составляли именно казаки, и если солдат иногда удавалось отклонить от этого преступного дела, то казаки в этом отношении не поддавались убеждению.

В первой половине июня 1915 года фронт стал приближаться к Раве-Русской. Войска отступали день и ночь. Пехота, артиллерия и все воинские части были вооружены очень плохо. В лучшем случае приходилась одна винтовка на двух солдат.

К роковому дню отступления из Равы-Русской создалось такое положение, при котором трудно было определить, откуда и куда идут войска и передвигаются обозы. Кругом пыль, дым от артиллерийской канонады, точно в аду. Беспорядочная стрельба из ружей по неприятельским аэропланам привела к изданию приказа по фронту о том, что тех солдат, которые будут стрелять по аэропланам из ружей, будет пороть розгами, так как ружейная стрельба по аэроплану кроме создания паники ни к каким результатам не приводила. Приказ возымел свое действие, и ружейная стрельба по аэропланам прекратилась. Снарядов же не было, и неприятельские аэропланы, чувствуя свою безнаказанность, летали совсем низко и, несомненно, узнавали обо всем хаосе, царившем в тылу армии.

В самый разгар беспорядочного отступления армии в Раву-Русскую приезжают казаки и высматривают, где что плохо лежит. Население города, в особенности еврейское, в панике мечется из стороны в сторону, не видя никакой возможности избежать погрома. Многие обращаются к отдельным солдатам за советом, как бы уехать вглубь России, в глубокий тыл, хоть на край света, лишь бы избежать казацкой «бани». По мере приближения ночи погромщики становятся все более активными.

Еврейская семья, у которой была отведена мне комната, когда я охранял ледник с продуктами, просит меня непременно у нее ночевать в эту роковую для еврейского населения ночь. В это время наша воинская часть уже была приготовлена

к отступлению из города, и ночевка моя у мирных граждан, да еще у евреев, могла иметь печальные последствия, однако я все же решил остаться ночевать в еврейском семействе, где меня угощали очень хорошо и постель устроили такую мягкую, на какой я никогда в жизни до этого не спал. Тем не менее спать мне в эту ночь не пришлось.

Как только наступила ночь, вдруг в мою дверь раздался такой сильный стук, от которого задрожали стекла в окнах. «Открывай, жид пархатый», — послышались грубые голоса. Открываю. Увидев, что они имеют дело не с «жидом», а с русским солдатом, казаки оставили этот дом в покое. Это была ужасная ночь. Всю ночь происходившая артиллерийская канонада на фронте сливалась с криками, стоном и плачем женщин и детей еврейских кварталов города. На утро квартал производил ужасное впечатление: всюду виднелись разрушенные, разграбленные помещения, остатки всякого имущества валялись вместе с убитыми мужчинами, женщинами и детьми. Для меня стало ясно, почему меня так уговаривали остаться ночевать в этом семействе, которое, вследствие моего пребывания у них, уцелело от погрома. За это они были бесконечно благодарны и предлагали остаться у них, обещая спрятать меня в подвале до прихода австрийских войск. «А потом останешься в плену, и тебе будет хорошо»,— говорили они. Но я наотрез отказался от этого предложения. Оставив им на память солдатский мундир старого образца и фуражку без козырька, я ушел в свою часть.

6 июня 1915 года Рава-Русская была оставлена русскими войсками. Нечего и говорить, что от-

ступление было самое беспорядочное. И сколько в этом хаотическом отступлении погибло всякого добра и не только потому, что не успевали эвакуировать в тыл, а потому, что проворовавшееся интендантское чиновничество для сокрытия следов своего преступления жгло целые склады всякого добра под тем предлогом, чтобы оно не досталось неприятелю.

Воинские части выходили из боя совершенно разбитыми: от полка оставалось по 10—15 человек.

По всем данным, которые пришлось наблюдать собственными глазами, можно было сделать только один вывод, что мир не за горами, так как русская армия разбита и дальше сражаться неспособна. При такой мысли весело становилось на душе. Но, к сожалению, это только оставалось мечтой. Война продолжалась, несмотря на ожидание солдатской массой мира.

ОПЯТЬ В РОССИИ

С оттеснением русской армии из Галиции и перенесением военных действий на территорию России армия все еще продолжала отступать, но уже не в таком беспорядке, как это было в Галиции, потому ли что это была русская территория, где мирное население лучше относилось к армии, чем в Галиции, и было более сытым, так как его не успели еще опустошить, или потому, что неприятельская армия устала и не могла так быстро двигаться вперед, как раньше. В армии создалось более устойчивое положение, в результате чего стало меньше и еврейских погромов.

Отступление из Галиции совпало с отстранением Сухомлинова от должности военного министра и казнью за шпионаж полковника Мясоедова.

Среди солдат ходили слухи, что теперь к власти будет приглашен Коковцев*; его почему-то сравнивали с графом Витте, который заключил мир с Японией в 1905 году, и думали, что он не может не заключить мира теперь, ибо продолжение войны после такого тяжелого поражения есть гибель для России, и только враги России могут желать продолжения ее. Кто и с какой целью распространял в армии подобные слухи — неизвестно.

Все, однако, как-то само по себе улеглось. Имя Коковцева в армии сошло со сцены, и разрушительная война продолжалась.

Солдаты меньше всего интересовались победами, их интересовал мир и только мир, а какой это будет мир — сепаратный, «похабный» или еще какой — для них было все равно. В газетах, которые иногда попадали в руки солдат, последние читали только то, что так или иначе относилось к вопросу о мире.

Игра в «очко» и гармоника процветали в армии во-всю. Занимались этим делом в лесу, во ржи и везде, где только можно было спрятаться от бдительного ока начальства.

Дезертирство с каждым днем усиливалось. Вследствие усталости солдат терял всякий воинский дух, который так необходим для армии во вся-

---

* Коковцев был министром финансов, а после убийства Столыпина—председателем совета министров.

кой войне. Все это привело к тому, что по армиям был издан секретный приказ верховного главнокомандующего — пороть солдат розгами за дезертирство и прочее. Мало показалось палочной дисциплины, понадобились еще и розги.

Стали пороть солдат розгами за самый мельчайший проступок. Пороли за самовольную отлучку из части на несколько часов, а иногда просто для того, чтобы розгами поднять воинский дух. Однако своей цели эта порка не достигала. Дезертирство росло, и более либеральное начальство отдельных частей нелегально, под видом командировок, стало давать солдатам отпуска.

Ненависть к полиции и жандармерии в армии росла не по дням, а по часам. Я был свидетелем такого случая: в июне 1915 года ехали солдаты в теплушке от станции Здолбуново до станции Шепетовка. Среди них оказались эвакуированные из Галиции два жандарма. Эти два унтера, посеревшие на жандармской службе, затеяли между собой разговор о войне, который сводился к тому, что Россия не заключит мир с Германией до тех пор, пока русские войска не займут Берлина. В разговор вмешался солдат: «Ах, так вам нужен Берлин! Что вы думаете — в Берлине нет жандармов? Там есть почище вас. Вот пошли бы и попробовали брать Берлин, а то вы хотите чужими руками жар загребать, сидя на тыловой службе». Жандармы взяли солдата в переплет за такую дерзость: «Как ты смеешь в присутствии нас, жандармов, верных слуг царя, вести такой разговор! Это недостойно русского воина». Грозили на первой же остановке составить протокол и

дать ему законный ход. Тогда взволновались все солдаты в теплушке: «Мало того,— говорили солдаты,— что мы терпим в своей среде дармоедов, так вы еще собираетесь протокол составить на человека только потому, что он сказал правду. Прощайтесь с белым светом, мы вас, мерзавцев, на ходу выбросим в окошко». Услышав подобную угрозу, жандармы стали просить пощады. «Мы только пошутили, — оправдывались они, — нам также эта война надоела и наши сыновья так же на войне, как и вы».

Беспорядочное отступление армии сменилось большим наплывом беженцев, которые, как цыгане, жили в поле, в лесу, испытывая иногда большую нужду, чем солдаты.

Разбитые воинские части снова начали собирать для подготовки их к будущим боям. И наша этапная рота к началу августа оказалась в Житомире.

Несмотря на отступление русской армии, в плен попадало много австрийцев, и среди них немало чехо-словаков. Когда спросишь у пленных: «Ну, как там, на позиции?», то получаешь такой ответ: «Добже, пан, мы едем сюда, ваши туда,— скоро будет спокой», т.-е. мир. По всему было видно, что как неприятельская армия, так и наша не хотели этого взаимного бессмысленного истребления.

Воровство на этапе, как и во всех тыловых частях, продолжалось не в меньшей, а в большей степени, чем это было в Галиции. Этап, который снабжал продовольствием проходящие воинские части и пленных, имел целую воровскую машину. Заведующий хозяйственной частью не без ведома

этапного коменданта заключал сделки с подрядчиком на определенное количество продовольствия, которое полностью никогда не доставлялось. Так было во всех тыловых снабженческих частях, где поустраивались по протекции на службу сынки помещиков и вообще состоятельных людей, которые не только не несли никаких убытков от войны, а наоборот наживались на ней.

Всю тяжесть войны нес рядовой солдат.

Убыль в армии была настолько велика, что она никак не могла компенсироваться производившимися тогда мобилизациями ратников и допризывников. Поэтому последовал приказ о замене всех солдат моложе 35-летнего возраста, находящихся в тыловых частях, более зрелым возрастом из только-что призванных ратников и о посылке их для пополнения рядов армии.

Люди, прослужившие более года в тылу и мечтавшие вернуться в скором времени к своим семьям невредимыми, приуныли. Перепись так называемой «молодежи» в тыловых частях хотя и состоялась, однако все оставались на прежних местах до особого распоряжения. По истечении нескольких дней эти солдаты забыли об угрожающей им отправке на фронт, и опять все пошло попрежнему, как будто ничего не случилось. Только усиленно стали отлучаться из роты по домам, пользуясь той или иной командировкой.

Будучи оторванным от культурных политических центров, невольно выдыхаешься, появляется желание побывать там, чтобы узнать как живут и работают товарищи и какие сдвиги происходят в общественно-политической жизни. Я задался це-

лью во что бы то ни стало побывать в Петрограде, где у меня были близкие друзья и товарищи, работающие в Петроградской большевистской организации, и это мне удалось сравнительно легко. Я дал писарю два рубля на папиросы, и он устроил мне командировку с поручением сопровождать одиннадцать солдат, отставших от своих воинских частей и направлявшихся в распоряжение киевского этапного коменданта, где формировались маршевые роты.

Словесно мне было разрешено поехать из Киева в Петроград повидаться с родными. В командировочных документах из действующей армии по секретам военного порядка обычно не указывалось место расположения командирующей тебя части, а чтобы не попасться в лапы жандармов при поездках с таким документом по своему усмотрению, надо было рассчитывать на свою изворотливость.

Когда, по приезде в Киев, я сдавал приехавших со мной солдат, этапного коменданта Киева вызвал к телефону начальник гарнизона. Судя по ответам коменданта, которые он давал по телефону, можно было заключить, что речь шла о формировании маршевых рот и отправке их на фронт, так как на вопрос начальника гарнизона комендант отвечал: «Да, в Киеве по улицам города много шляется солдат, а маршевых рот не из кого составлять. Не могу же я ходить по улицам и ловить за шиворот солдат».

Этот разговор, указывающий на наличие массового дезертирства, окончательно укрепил меня в решении поехать в Петроград хотя бы на короткое время. Однако это решение осложнялось со-

вершенным отсутствием у меня денег, которые могут потребоваться в дороге. Наконец вспомнил, что у меня в Киеве есть знакомый, с которым перед войной я работал на одном заводе. «Он ликвидатор, а стало быть и оборонец. Как токарь по профессии, он, очевидно, хорошо зарабатывает на снарядах и, как оборонец, к солдату, несомненно, отнесется сочувственно», — подумал я. иронически. Получив справку в адресном столе о месте его жительства, направляюсь к нему на квартиру, но его дома не застаю. Пришлось подождать. Наконец приходит долгожданный «избавитель». Из наших с ним бесед подтвердилось, что он оборонял самого себя, и поэтому говорить о деньгах не пришлось. Он в это время как раз устраивал переход с одного завода на другой, где можно было больше заработать. Я ушел от него, не получив даже предложения переночевать. Такова была последовательность у людей, которые называли себя оборонцами!

Денег значит нет и надежды достать их тоже нет никакой, а поехать в Питер хочется.

Иду на вокзал, располагаюсь в 3 классе на ночлег в предположении, что за ночь этот вопрос разрешится в ту или иную сторону — еду или возвращаюсь в свою часть. Неожиданно попадается на глаза товарищ, солдат из нашей роты, киевский рабочий. Побывав в Киеве у родных, он возвращается в свою часть, слегка пошатываясь от хмельного.

— Ты что здесь околачиваешься? — говорит он мне.

— Да так вот, — отвечаю я, — хотел бы поехать в Петроград, да дело за пустяками, нет денег.

— Ну это дело поправимое. Сколько тебе нужно денег? — говорит товарищ.

— Да так рубля два.

Он дает мне 2 рубля и говорит: «Поезжай в Петроград и привози оттуда новости, скоро ли кончится война. Какого чорта ты до сих пор не ездил?». — «А когда же я тебе отдам долг?» — обратился я к нему,— «вдруг дорогой меня арестуют и мы больше не встретимся?» — «Ну чепуха,— успокаивает товарищ.— Об этих пустяках еще размышлять: гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся».

Значит, дело устроилось, я еду в Петроград — только бы залезть в вагон поезда прямого сообщения. Ждать нужно этого поезда еще целые сутки. Наконец, поезд пришел. Надеваю винтовку за спину, изображая из себя солдата, которого послали на вокзал для ловли дезертиров. Раз винтовка за спиной — значит не дезертир.

В какой вагон, думаю, залезть, чтобы были смешанные пассажиры, штатские с военными? Залезаю в первый попавшийся; оказывается плацкартный вагон. Значит, хорошо, залезу под лавку и лягу спать после двух бессонных ночей. Так и сделал. Не успел задремать, как кто-то говорит: «А ну-ка, пассажиры, привстаньте! Кто там у вас под лавкой?» — «Да там солдат», — говорят пассажиры. Оказывается, это был контролер, пришедший проверять билеты. «А ну-ка вылезай! посмотрим что это за солдат». «Ну, — думаю, — приехал». Но так как в моем документе было указано, что я сопровождал в Киев 11 чел. солдат, а из Киева возвращаюсь в свою часть, а где эта часть в

документе ничего не говорится, то контролер, повертев и посмотрев со всех сторон документ, вернул мне его и любезно сказал: «Да что же ты, солдатик, лежишь под лавкой? Вы достаточно там в окопах валялись. Было бы позором для тыла, чтобы солдат, едущий по делам службы, валялся где-нибудь и как попало под лавкой. Полезай на полку, на самую лучшую!» И так настойчиво потребовал от меня, чтобы я занял лучшее место в вагоне, что пришлось ему подчиниться.

Улегся как будто бы прилично, но не спится: а вдруг комендант станции с жандармом пойдут проверять? Ведь эти бестии по моему документу могут разобраться в том, где стоит моя часть, и что из Киева ехать в Житомир надо не через Петроград и, несомненно, арестуют. Но, к счастью, скоро после Киева вагон так переполнился, главным образом беженцами, что о лежании на полке не могло быть и речи. Но зато легко можно было маскироваться. Когда беженцев и вообще штатских проверял кондуктор, — я тогда надевал гимнастерку с погонами, и меня как солдата не трогали. Когда же приходил комендант с жандармом проверять солдат, я снимал гимнастерку, клал на пол винтовку, садился без фуражки посреди беженцев, и тут меня тоже не трогали, принимая за беженца. Даже в Могилеве, где стоял штаб главнокомандующего и где делалась более тщательная проверка солдат, мне удалось ускользнуть от этой проверки. И так я доехал до Петрограда без всяких осложнений.

Петроград в это время мало чем отличался от Киева. Здесь так же было много солдат и лишь

не чувствовалась близость фронта. Однако, когда я попал в рабочие кварталы, то вспомнился прежний Петербург.

После трехдневного пребывания в Петрограде стало осложняться дело с ночевкой, так как обыватели боялись, чтобы им не попало, если в квартире найдут беглого солдата. Правда, были у меня здесь и друзья, но каждый из них был заподозрен в политической неблагонадежности.

В это время в рабочих районах, в особенности в Выборгском, где я проживал, кипела партийная жизнь, шли выборы по заводам в военно-промышленные комитеты, которые большевики бойкотировали, призывая в то же время рабочих выбирать представителей в советы рабочих депутатов. Я побывал на одном собрании на заводе Эриксон, где было немало рабочих-большевиков, но все это была неопытная в партийных делах молодежь и им было не легко вести борьбу с такими меньшевиками как Гвоздев, бывший впоследствии министром труда в кабинете Керенского, который работал тогда на заводе Эриксон. Притом защищать такой партийный лозунг, как бойкот выборов в военнопромышленные комитеты, и вместо выборов в военно-промышленные комитеты выбирать в советы рабочих депутатов в военное время было не легко. Следовательно позиция меньшевиков, как сторонников военнопромышленных комитетов, была легальной позицией, и не было риска защищать ее. Однако наша большевистская молодежь не боялась риска быть арестованной и энергично отстаивала большевистские лозунги. При ПК РСДРП(б) была в это время хотя и слабая воен-

ная организация. Представитель военной организации, с которым меня познакомили, произвел на меня впечатление неопытного человека. Он не обладал теми элементарными военными познаниями, которые необходимы были для того, чтобы вести партийную работу в войсках, это был глубоко штатский человек. Все это свидетельствовало о том, что не было подходящих людей. Между прочим товарищи предлагали мне остаться в Петербурге для партийной работы. Однако в этот период я переживал большую внутреннюю борьбу. Я всеми фибрами души ненавидел военную службу в царской армии, основанную на палочной дисциплине, которая превращала солдата в какое-то бессловесное животное, однако я был убежден, в особенности когда я столкнулся на заводе Эриксон с рабочей массой, что в результате этой войны революция неизбежна. Приходилось решать, где я буду более полезен во время революции — в армии или в Петрограде. Я твердо пришел к выводу, что полезней буду в действующей армии, а если на революцию, паче чаяния, шансы уменьшатся, то я из армии сумею убежать, если в этом будет необходимость, о чем и сообщил своим товарищам. Оглядываясь на прошлое, я считаю, что мое решение было правильное. После Февральской революции 1917 г. большевик-солдат в армии был во сто крат ценнее, нежели в тылу, хотя бы и в Петрограде.

Проехал я из Петрограда в Киев тем же путем вполне благополучно. А из Киева в Житомир я уже ехал вполне легально. К моему приезду в часть к нам на смену прислали солдат

более пожилого возраста, а нас, в том числе и меня, приготовили к отправке в маршевый батальон для пополнения рядов действующей армии. Моя самовольная отлучка оказалась незамеченной. Но мысль о побеге из этого маршевого батальона меня не покидала. Я воспользовался дежурством в канцелярии этапа в качестве вестового и перед уходом запасся необходимыми документами на случай побега.

МАРШЕВЫЕ РОТЫ ДЛЯ ПОПОЛНЕНИЯ РЯДОВ АРМИИ

Итак, в первых числах октября нас, так называемую «молодежь», сняли с этапа и отправили в 15 маршевый батальон, который стоял в Житомире в лагерях, в нескольких верстах от города, для прохождения вновь военной подготовки в течение одного месяца, чтобы потом послать нас в окопы для пополнения фронтовых частей.

В летних лагерях, куда нас прислали из этапа, оказалось очень холодно, и нас перевели из одного района пригородной местности в противоположную часть города на летние дачи, так как в городе в зимних казармах мест нехватало. Дачи эти оказались без стекол, и сквозной ветер продувал насквозь, к тому же эти дачи были переполнены людьми, как бочка сельдями. Все это привело к тому, что почти все солдаты переболели бронхитом.

Отношение к больным было зверское. Каждого, кто только заявлял себя больным и просился в околоток к врачу, в насмешку называли около-

точным. Причем в каждом больном видели симулянта, которых действительно было немало. Да и могло ли быть иначе при таких тяжелых условиях жизни, когда полные сил, здоровые люди лишены каких бы то ни было жизненных благ? К тому же каждый инстинктивно чувствовал, что эта война навязана ему господствующим классом. Естественно, что они старались так или иначе увильнуть от военной службы. Желающих итти в околоток записывали вечером накануне и, разбудив поздно ночью, вели тотчас же в околоток, куда врач приходил не раньше 10 часов утра. Настоящего медицинского осмотра не производилось и не могло производиться, так как больных было много, а врачей мало. Просиживая на холоде, пропускали не только утренний чай, но часто и обед. Случалось, что врач предписывал поставить солдата на 10 часов под винтовку, если находил его здоровым. Ошибок в таком поверхностном осмотре, конечно, было много. Обращалось внимание только на венерические болезни, а все остальное считалось чепухой. Если солдат не свалился и мог ходить, то его считали здоровым.

Да вообще, что такое маршевый батальон? В нем было 16 рот, 17-я нестроевая. В каждой роте было по 600—700 человек. Набирали туда людей уже по году прослуживших, вкрапляли молодежь досрочного призыва и отдавали их на съедение вновь испеченным офицерам-прапорщикам, сынкам буржуазии, мальчишкам 20—22-летнего возраста. Они так издевались над взрослыми людьми, что у солдат невольно вырывались слова: «Однако, какие же мы дураки! В наших ру-

ках оружие, а мы позволяем себя мучить! Кому? Мальчишкам!». Доходило и до мордобития. Какой-нибудь сопляк, прапорщик-мальчишка, бьет взрослого дядю. В особенности один из прапорщиков усердствовал по части мордобития и в то же время произносил такого рода речи: «В 1905 году была в России революция, социалисты думали свергнуть царя-батюшку и тем самым ослабили Россию, которая теперь терпит поражение. Но в конце концов мы, русские, все-таки победим Германию. У царя-батюшки есть достаточно слуг, например, таких как я. Мы сумеем расправиться с теми, кто посмеет мечтать о повторении революции 1905 г. Да, кажется, и социалисты теперь поумнели, потому что поняли, что Россию-матушку надо защищать от проклятого немца, который хочет поработить русский народ. Так что вы, мерзавцы, такие-рассякие, намотайте себе на ус, что я говорю». «Речь» получилась вполне округленная, как и подобает офицеру. Такие речи были, впрочем, очень полезны, потому что они наводили солдат на размышление, кто же они такие социалисты, которых ругает этот буржуазный сынок.

Как-то и мне пришлось выдержать атаку этого прапорщика. Я был в его взводе. За неправильный поворот в строю он заставил меня держать винтовку на вытяжку. Я держал, пока мог, но винтовка в конце концов упала, и я взял ее к ноге. Прапорщик подскочил ко мне и зарычал: «Ах, так! Значит, на начальство оружие поднимаешь?» Но не ударил, очевидно, увидев, что перед ним не только солдат, но и человек, а таких все-таки иногда побаивались бить, как скотину. Скоро

мне пришлось поскандалить с каптенармусом при выдаче обмундирования; он обругал меня, и я ответил ему тем же. Кончилось тем, что вечерами после занятий из-под винтовки я не выходил.

Что это значит «под винтовку»? Вот что: кроме винтовки на плече, по бокам повешены две сумки с кирпичами, и ты должен стоять, как истукан, на одном месте 2 часа после ужина, когда все спят. Либо ночью разбудят тебя и заставят вне очереди стоять на посту дневальным до утра, а утром на занятия — итак каждый день. Вот что значит попасть в немилость к такому маленькому начальству, как прапорщик; если он тебя не решался бить, так другим путем донимает. Однажды этот прапорщик вызвал меня к себе и спрашивает: «Ты где работал до войны?» «Там-то, в таком-то городе». — «Да это видно, что ты человек не деревенский». А затем продолжает: «Ты не хуже других солдат, но ты мог бы быть лучше, только не хочешь; ты думаешь, что попал на военную службу в качестве рядового, так и пропал; а это еще вопрос, кто из нас скорее пропадет: я, офицер, или ты, рядовой. Ты манкируешь службой — это я вижу, и если так будешь делать дальше, то будет плохо и кончится печально для тебя, а будешь стараться, то и от службы могу освободить!» Ну, думаю, не велика шишка — прапорщик, не только меня, а и самого себя не сумеешь освободить от службы. А вот что касается манкирования службой, то ты прав; люди, зараженные социализмом, попавши на службу в царскую армию, действительно «манкировали» ею.

Режим в нашем батальоне, как и во всей ар-

мии, становился все строже и строже, и вместе с тем дезертирство солдат все росло и росло. Дошло до того, что стали пороть розгами и в нашем батальоне. И кого же пороли? Главным образом самых темных, забитых нуждой и невежеством людей. Со мной служил еще до маршевого батальона, на этапе, в течение 8 месяцев солдат, по фамилии Рог. Этот Рог, человек неграмотный, до войны занимался ломовым промыслом в Киевской губернии. Здоровый и неповоротливый, как вол. Войну объяснял как божье наказание для человечества. При его воловьей силе и тупости втолковывать ему другие более разумные мысли было очень трудно. Однажды мы, солдаты, свели в цирк нашего Рога, где он был впервые в жизни. Он обратил больше всего внимания на наездницу. После цирка в казарме рассказы Рога о том, как он все это переварил, были для нас интереснее цирковых номеров. Он никак не хотел верить, чтобы женщина так могла ездить на лошади. Это, дескать, лишь пыль пускают в глаза дуракам, лишь бы деньги выманивать. Солдаты хохотали до упаду, слушая этого чудака. Целую ночь слушали его рассказы. Утром, когда нужно было пить чай, Рог пришел к выводу, что зря отдал 30 копеек за посещение цирка, лучше бы на эти деньги купить булок. «И только дураки или люди, которым некуда девать деньги, ходят в такие места, как цирк,»—заявил он. Человек вообще был он безобидный — его можно было гнать куда угодно, и он шел безропотно, как вол, хотя в ногу никак не мог научиться ходить. И вот этот самый Рог как-то договорился со своим непосред-

ственным взводным начальником о разрешении ему трехдневной отлучки, чтобы повидать свою жену. Однако Рог пробыл в отлучке более трех дней. Боясь ответственности перед высшим начальством за сокрытие дезертирства, взводный доложил ротному о самовольной отлучке Рога. Ротный командир за самовольную отлучку поставил его на 10 дней под винтовку. Под винтовкой он отстоял, но отказался взводному уплатить обещанные 3 рубля: «Раз ты доложил, и я отстоял под винтовкой, то я трех рублей тебе не дам». Тогда взводный, чтобы отомстить Рогу, донес на него, что он подстрекает солдат к дезертирству. Дело дошло до командира батальона, который отдал распоряжение в приказе всыпать этому «агитатору» 25 розог. Осмотрев его, врач нашел, что он вполне выдержит розги. Утром следующего дня выстроили весь батальон и предложили желающим добровольно выпороть этого солдата розгами, но желающих не оказалось. Пока длилась эта подготовительная процедура, пришлось отказаться от розог, так как на обреченного все это так сильно подействовало, что он упал, и изо рта пошла пена; его снесли в околоток, где он пролежал без памяти три дня. После этого с ним стали часто повторяться аналогичные случаи. И вот этого здорового человека превратили ни за что, ни про что в инвалида.

После этого случая режим у нас сразу стал слабее. Посменяли прежних офицеров, прислали других, стали переписывать мастеровых. Однако, несмотря на ослабление режима, ни у кого из нас не было склонности эту благоприятную перемену объяснить тем, что на начальство по-

действовал случай с несчастным Рогом, так как в действительности это объяснялось предстоящей отправкой на позиции. Во всех маршевых батальонах сменяли прежних офицеров и присылали других. Делалось это потому, что было опасно посылать с солдатами тех офицеров, которые их достаточно помучили в тылу. Скоро последовал приказ, чтобы батальон, который превращается в полк, был приведен в полную боевую готовность, так как через три дня он должен был выступить в походном порядке из Житомира в Винницу. Это было в первых числах ноября 1915 года. В два дня нас привели в боевую готовность, выдали все шанцевые инструменты, которые полагались пехотному солдату. Нагрузили как ослов и погнали при дожде месить грязь за сто двадцать верст.

Мы благополучно дошли до Бердичева, где нас встретил командующий юго-западным фронтом Иванов. Полк наш прошел мимо командующего с музыкой и произвел на него хорошее впечатление. «С такими молодцами можно дойти до Берлина»,— писал Иванов в приказе по фронту и приказал выдать нам по фунту белого хлеба и по полфунта чайной колбасы на человека. А эти «молодцы» только и думали, как бы при первой возможности сдаться в плен; итти же на Берлин ни у кого, кроме Иванова, желания не было.

Пройдя Бердичев, я настолько устал, что дальше без основательного отдыха итти уже не мог. Подговариваю одного из товарищей, и мы сдаем винтовки и заходим в первую попавшуюся деревню. Зашли к одному крестьянину, который ока-

зался бывалым и сознательным человеком, был на японской войне, работал в различных городах на фабриках и заводах и даже был в Америке. Он нас принял очень хорошо, покормил и, переночевав в тепле, у нас стало настроение другое. В следующей деревне мы догнали свою часть. Все оказались усталыми и тоже отдыхали на земляном полу в деревенских хатах. Дальше мы с товарищем вновь отстали и ходили по деревне свободно, без команды. В деревне было почти полное отсутствие мужчин среднего возраста. Оставшиеся в деревне мужики забрасывали нас вопросами: как идут военные действия, и кто победит в этой войне, когда же будет мир; а женщины, в особенности старухи, спрашивали: «не видел ли моего Ивана, Степана» и т. д.

Однако начальство оказалось предусмотрительным, послало по деревне офицеров с небольшими отрядами, чтобы задерживать бродячих солдат. Несколько человек из нас тоже оказались в числе задержанных и отправленных поездом в Винницу, где мы явились в часть без всякого опоздания. Таким образом наше путешествие по деревне обошлось благополучно. По дороге из Житомира из нашего батальона умерло 6 солдат. Люди, усталые, измученные походом, засыпали там, где их настигала ночь, а иногда не проснувшись и умирали. Умирали больше всего как раз молодые, менее закаленные. По прибытии в Винницу нас разместили в артиллерийских казармах и задержали здесь по стратегическим соображениям на неопределенное время. И мы попрежнему начали месить грязь на огородах Винницы, занимаясь «военной учебой».

Дезертирство с каждым днем все усиливалось, причем удирали, главным образом, не в тыл, а в окопы, на позиции, бывавшие уже в окопах солдаты. Можно себе представить, что была за жизнь в таких батальонах, откуда бежали в окопы! Дошло дело до того, что в шинели не выпускали из казармы. Тогда стали убегать, когда приходила очередь дневалить.

Лопнуло и у меня терпение переносить такое зверское обращение. Я решил бежать, но не в окопы, как многие, а в тыл, в Петроград. Документы для проезда на случай были сфабрикованы еще на этапе. Поделился о своих планах с соседом по нарам и, когда тот согласился бежать, я вписал его также в литерный билет для проезда поездом.

Однако в этот день поезда на Киев не оказалось, а на второй день товарищ отказался разделить со мной рискованное «путешествие». Имея на руках литер на два человека, мне также пришлось побег отложить во избежание ареста с этим литером на первой же станции.

В нашем батальоне, как и во всей армии, заметно прогрессировало разложение. Низшее начальство вынуждено было смотреть на массовое дезертирство солдат сквозь пальцы.

Все интересовались только миром. Фельдфебеля и взводные часто зазывали меня к себе, чтобы побеседовать о мире. Хроникерские газетные заметки в виде толков о мире давали материал для таких бесед: кто победит и какой будет мир. Меньше всего армию интересовал вопрос, кто окажется победителем и какой будет мир. Ей нужен был

мир во что бы то ни стало, так как армия чувствовала усталость от продолжительной войны.

Однажды на стрельбище я случайно встречаю того прапорщика, который в Житомире бил солдат, доказывая им свой патриотизм, и проповедывал войну до победы. Остановив меня, он стал спрашивать, как дела, и просил зайти к нему на квартиру побеседовать. На его лице можно было заметить происшедшую в нем перемену, которая указывала, что от прежнего патриота ничего не осталось кроме офицерских погон. Зная его по Житомиру, я однако не питал к нему доверия и потому не пошел к нему. В нашем батальоне среди запасных много было как рабочих Петербурга, так и других городов, участвовавших в революции 1905 года. По вечерам в казарме мы открыто между собой вели бесконечные дискуссии на тему о войне. Низшее начальство не только не препятствовало нашим дискуссиям, но нередко и само принимало в них участие.

Между тем вскоре опять последовал приказ такого же содержания, как и в Житомире перед отправлением в Винницу, о том, что наш батальон превращается в полк и что мы в ближайшие дни должны будем участвовать в боях. Опять начались смотры и переобмундирование. Через три дня после приказа наш полк был приведен в полную боевую готовность. В связи с изданием этого приказа дезертирство еще более усилилось. Вместе с тем среди солдат усилились разговоры, каким путем можно будет перейти в плен к противнику.

Перед уходом полка на передовые позиции, в первых числах января 1916 года, из полка было

откомандировано несколько человек печатников, в том числе и я, в штаб 7-й армии для работы в штабной типографии.

РАБОТА В ШТАБНОЙ ТИПОГРАФИИ

На второй же день моего пребывания в типографии мне пришлось получить сильную пощечину от офицера, командира ординарческого эскадрона штаба армии, капитана Шевцова. Это был здоровенный детина с усами, как у Вильгельма. Ходил он все время в жандармской форме. В виду отсутствия солдатской уборной, я однажды зашел в офицерскую, где неожиданно встретился с капитаном Шевцовым. Возмутившись моей «дерзостью», Шевцов разразился по моему адресу отборными ругательствами и затем, размахнувшись, ударил меня по лицу. Удар оказался настолько увесистым, что у меня посыпались из глаз искры. Ответить тем же я в этот момент не решился, а жаловаться рядовому на офицера было бессмысленно, так как в результате ты же будешь виноват. Нас, рабочих, в типографии было около 50 человек, однако постепенно типография все расширялась. Вначале приходилось работать почти круглые сутки и только после введения второй смены стали работать по 12 часов. Типография все время была завалена работой, а перед наступлением работы бывало еще больше. Работа в типографии была особенно тяжела при передвижении штаба.

Обычно через 24 часа по прибытии на новое место типография устанавливалась так, что про-

изводила впечатление, будто она там давно работает. Работа была трудная: надо было собрать, запаковать и помнить каждый винтик от машины. Несмотря на всю трудность работы, все же в типографии атмосфера была значительно лучше, чем в строю, над тобой так не глумились, как в строевой части. По приказам, которые нам приходилось печатать, а также по попадавшим к нам хотя бы и патриотическим газетам можно было следить за развитием политической жизни и положением на фронте. Из проходящих через нашу типографию приказов видно было, что разложение в армии увеличивалось. Применение розог за дезертирство оказывалось недостаточным и начинали уже за это расстреливать и ссылать на каторжные работы.

Когда штаб стоял в австрийском городе Гусятине, мне удалось выписать из Петербурга газету «День». Газету выписывать рядовому солдату на свое имя в царской армии не разрешалось. Она была выписана на имя одного застрявшего в Гусятине австрийского студента. Однако урядник стал задерживать газету, и студент ничего не мог с ним сделать и как подданный завоеванной местности просил меня не ходить к уряднику, однако я пошел и спросил его. «Газету вы получаете на имя Шахновича?» — «Да, получаю», — ответил он. «А почему не передаете Шахновичу?»—опять спрашиваю я. — «Ишь какой граф твой Шахнович, еще вздумал газеты выписывать из Питера»,— говорит урядник. «Хорошо, господин урядник, я тут не при чем,— говорю я.— Я интересуюсь этим как денщик штабного врача, который посылает меня

к Шахновичу за газетой, а если вы ее будете задерживать, то будете иметь дело не со мной и не с Шахновичем, а с врачем». Как услыхал урядник имя врача штаба, которого он знал хорошо, тотчас же выдал мне газеты, и с тех пор газета получалась без всякой задержки. Врача штаба все боялись, так как он бил солдат, в особенности, если солдат заболеет венерическими болезнями и обратится к нему. Первый «рецепт» заключался в том, чтобы нанести несколько пощечин солдату. Урядник это великолепно знал, и чин урядника нисколько не защищал его от побоев врача. Шахнович был в восторге от результатов моих переговоров с урядником. Шахнович был с.-д. и являлся студентом венского университета. Будучи на каникулах в Гусятине, он случайно оказался отрезанным от Вены. С ним мы часто толковали о том, что будет после войны и скоро ли она кончится. Шахнович был того мнения, что война кончится тогда, когда войска откажутся воевать.

В штабе нашелся чертежник, который донес топографу-капитану о том, что Пирейко читает «жидовские» газеты.

Капитан, однако, оказался более либеральным, чем можно было ожидать, и не обратил на это внимания, что было в царской армии весьма редким явлением.

Наши печатники в общем были вполне сознательными и надежными людьми, но было среди них несколько подлиз, с которыми опасно было откровенничать. Сторонников «войны до победы» среди нас не было уже по одному тому, что мы были солдаты. В общем жили дружно. Чтобы охаракте-

ризовать стремление солдат к миру, я приведу следующий случай, который произошел в 1916 году, когда штаб стоял в Гусятине. Однажды в штабной офицерской столовой заболел лакей и выполнять обязанности лакея прислали самокатчика, слесаря по профессии. В этой столовой даже офицеры не смели садиться, пока не придет генерал и не сядет. Вот раз собрались офицеры за ужин, а лакей-самокатчик в это время оказался пьян. Вместо того, чтобы подавать ужин, он схватил наган и закричал на офицеров: «Вон отсюда, дармоеды! Всю Россию проели». Офицеры обычно в столовую ходили без оружия, и потому все разбежались. Этого лакея-самокатчика, разумеется, арестовали, но не расстреляли, так как за него вступился лично знавший его дежурный генерал. Он послал его в виде наказания на передовую линию, в окопы. Дело, конечно, не в том, куда послали и как наказали этого солдата, а в том, что армия была пропитана ненавистью к командному составу, в особенности к тыловым офицерам, которые жили хорошо, пользовались всеми благами жизни, в то время как солдат, кроме лишений, ничего не имел. Эта ненависть не могла не вылиться наружу. Правда, для этого надо было одурманить себя алкоголем, и не случайно, что правительство запретило продажу вина во время войны.

КАНУН ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Брусиловский прорыв в Галиции 1916 года несколько окрылил надежды командования русской

армии, мечтавшего о дальнейших победах. Однако было ясно, что эта победа нисколько не приблизила конца войны. Буржуазные газеты писали, что такого сильного врага, как Германия, можно взять не силой оружия, а выдержкой и русской выносливостью. Однако вот этой выносливости и терпению русского солдата, к которым призывала буржуазия, наступал конец. Вследствие оторванности от партийных организаций и отсутствия среди окружающих сознательных товарищей-партийцев временами становилось очень тяжело.

О подпольной работе наших большевистских организаций в тылу и тем более о работе ЦК нашей партии во главе с тов. Лениным армия в то время ничего не знала, да и не могла знать, так как для солдата была недоступна книжка и тем более газета, да и потребности в том, чтобы читать газеты, у него не было. Газеты получали только высший командный состав и штабы. В армию, к солдату, если и попадали газеты, то не иначе как черносотенного направления вроде «Одесского листка» или «Киевлянина». Такие газеты, конечно, не могли писать о большевиках. Однако эти же газеты помещали выдержки из патриотических статей Г. В. Плеханова. Для нашего брата, партийца, попавшего в армию и знавшего, кто такой Плеханов, тяжело было читать его статьи. Солдатская же масса не знала ни Плеханова, ни Ленина. В своем подавляющем большинстве это были взятые от сохи люди, которым надо было все объяснять с азов. Эти же патриотические газеты, однако, много писали о выступлении 1 мая 1916 года в Германии Карла Либкнехта против войны.

Разумеется, вся эта писанина черносотенных газет о выступлении Карла Либкнехта сводилась к тому, что вот в Германии скоро начнется революция и тем самым армия ее будет парализована, и тогда ее легче будет победить. Однако и такого рода писанину можно было использовать в качестве материала для пропаганды в войсках. Чтобы подойти к солдату царской армии с разговорами на политические темы, нужно было иметь какой-либо предлог, и таким предлогом всегда являлась газета.

Солдат-оборонцев из рабочих в армии не было и их не могло быть. Война держалась, главным образом, на невежестве «русского мужика», который шел на войну, не отдавая себе отчета, зачем и кому нужна эта война. И только когда война приняла затяжной характер, он стал доискиваться причин ее неудачи. Разумеется, эти причины, по мнению солдатской массы, были в том, что у нас много начальства из немцев, и поэтому много измен и что все это происходит потому, что царицей является немка. Разбираться более глубоко о положении в стране в своей массе солдаты еще не могли.

В начале 1917 года в 7-й армии был съезд командующих корпусами с участием военного духовенства. А так как одним из корпусов 7-й армии командовал брат Николая II, «великий князь» Михаил Александрович, то и он, очевидно, был на этом съезде. Результатом этого съезда был секретный приказ по армии, сущность которого сводилась к следующему:

«Армия разлагается, и если этот процесс разло-

жения не будет приостановлен в ближайшие месяцы, то война не только будет проиграна, но это разложение явится большой угрозой для нашей дорогой родины. Главным элементом разложения нашей армии являются баптисты и социалисты. Кто только теперь не скрывается под солдатской шинелью? Нужно обратить сугубое внимание на солдат-рабочих из крупных промышленных центров и всякого замеченного в агитации за мир, за дезертирство — расстреливать на месте».

Однако было уже поздно приводить армию в боевую готовность. Скоро в армии стали ходить слухи, что распущенная Государственная дума в Петрограде не разошлась и что вообще там что-то творится. У нас в штабе передавали эти слухи друг другу на ухо. Вскоре в типографию прекратили доставлять газеты, чего раньше не случалось.

И вот однажды сквозь сон чувствую как меня тащат за ноги с кровати; я выругался: «Черти, такие-сякие! Да ну вас к чорту с работой! И поспать не дадут». Обычно мы друг друга тащили с кровати, когда подходила очередь вступать на работу. «Да какая там, к чорту, работа! В Петрограде революция, а ты спишь, хочешь всю революцию проспать». Продираю глаза, и мне суют только-что полученные газеты: «Николай отрекся от престола государства российского для блага народа. В Петрограде образовалось Временное правительство». Глазам не верю: не сон ли это? Но оказалось, что эта подлинная действительность. Кое-что напялил на себя, бегу в типографию, ног под собой от радости не чувствую. Вокруг типографии полно экипажей, автомобилей. А в самой

типографии полно полковников, генералов — все штабное начальство собралось. Принесли печатать приказ об отречении Николая от престола. Собравшееся начальство, мирно беседуя между собой, делает вывод: Николай отрекся и теперь царем будет Михаил, а верховным главнокомандующим Николай Николаевич, и дела на фронте должны улучшиться. Кто-то из солдат вставляет поправку в мирную беседу начальства: «Никаких Михаилов, никаких царей нам не нужно, будет республика». Хотя бы одно слово возражения со стороны начальства на эту бесцеремонную и «дерзкую» поправку. Куда только девалась вчерашняя гроза! А ну-ка, скажи эту фразу несколько дней назад!

Недолго думая, типографские рабочие решили соорудить красный флаг, но к огорчению не оказалось красной материи, тогда взяли белый картон, намазали его красной краской, подсушили и написали свинцовыми белилами: «Да здравствует демократическая республика и учредительное собрание!» На утро собралась шумная демонстрация. Весь бучачский гарнизон явился на демонстрацию. В своей массе солдаты впервые неумело, но с воодушевлением пели под музыку «Марсельезу» и другие революционные песни.

КАК АРМИЯ ОТНЕСЛАСЬ К РЕВОЛЮЦИИ

Нечего и говорить, что армия целиком перешла на сторону революции. Появилось много «социалистов», которые дурманили далеко не социалистическими речами солдатские головы, плохо по-

нимавшие, что такое социализм. Разумеется, вся эта плеяда «социалистов» была за войну «до победного конца». Солдаты в своей массе понятия не имели, что такое классы — капиталисты, помещики, пролетариат и крестьянство. Нужно было все начинать с азов. Работы для каждого мало-мальски политически грамотного человека было по горло. «Социалисты» всех оттенков по духу узнавали друг друга и стали стихийно группироваться. Офицерский состав не представлял собой единой сплоченной массы. Незначительная часть, одиночки из молодых офицеров, примкнула к солдатам, среди них оказались с.-д. и эсеры. Часть офицерства, более тупая, была настроена реакционно. Горевали о том, что вместо «благородия» и «высокоблагородия» солдаты могли теперь называть их просто господином; на почве потери былой власти среди офицеров были даже самоубийства. Монархическое офицерство притаилось, как будто исчезло из армии. Шевцова, нанесшего мне в типографии пощечину, к этому времени уже имевшему чин полковника, я тоже встретил в рядах вновь испеченных «социалистов». Он ходил с пышным красным бантом на груди. Я ему так и не отомстил за пощечину, хотя имел полную возможность это сделать — не до него было. Если судить по красным бантам, то можно подумать, что несоциалистов в армии и не было. Однако скоро вновь испеченные «социалисты», начитавшись буржуазных газет, почуяли, что еще не все потеряно. Они начали натравливать солдат на рабочих, которые, мол, требуют для себя 8-часового рабочего дня в то время, как солдаты сидят в

окопах по 24 часа. Такая агитация кой-где воспринималась сочувственно. Однако все несчастье офицеров, пытавшихся натравить солдат на рабочих, заключалось в том, что они были офицерами. Слишком свежо еще было в памяти каждого солдата, чем был для него офицер в прошлом. Сознательные солдаты, которых было немного в армии, прекрасно понимали смысл травли рабочих. Они легко могли вести борьбу против такой травли уже по одному тому, что люди в офицерских погонах не имели никакого авторитета среди солдат. Вот когда было подходящее время буржуазным сынкам-офицерам снять офицерские погоны в интересах того класса, из которого они вышли. Но они держались за офицерские погоны, как дети за побрякушку.

Однажды на гарнизонном митинге солдат в Бучаче полковник генерального штаба Левицкий, которому до этого митинга удалось произнести одну удачную речь против Германии, выступил с напыщенной речью, свойственной генштабистам. Речь его сводилась к следующему: «Нам, русским, необходимо закончить войну к сентябрю. Если же рабочие будут работать 8 часов, а не столько, сколько нужно для того, чтобы не было кризиса в снарядах, то мы будем воевать еще два года и не кончим войны». Солдаты ему похлопали, и Левицкий был окрылен успехом. Вообще в начале солдаты склонны были хлопать каждому, кто красиво и с подъемом скажет речь; смысла же речи, по темноте своей, они пока неспособны были усвоить — слишком все это было ново для них. И тем не менее стоило только с возражениями Левицкому уме-

ло выступить одному из участников митинга, разоблачившему всю подлость натравливания солдат на рабочих, как Левицкому позорно пришлось съежиться. В дальнейших выступлениях сознательные солдаты объяснили причины натравливания на рабочих, а также необходимость для солдат, если они не хотят быть рабами, итти в ногу с рабочими. Собрание кончилось тем, что были выбраны два делегата от гарнизона для поездки в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, чтобы теснее связаться с ним. Выбранными оказались один эсер, чертежник штаба армии Борисов, и я. Левицкий ушел с собрания, оплеванный теми же солдатами, которые так недавно ему аплодировали. Это неудачное выступление так на него подействовало, что он удрал в Киев.

Долго начальство чинило препятствия для поездки в Петроград выбранной от гарнизона делегации. Эта канитель продолжалась недели две. Начальство считало наши выборы самочинными, незаконными, как и самые советы. Однако напор солдатской массы был настолько силен, что наконец оно вынуждено было не только послать делегацию в Петроград, но дать еще денег для закупки революционной литературы для солдат. Вместе с тем офицеры собрались и выбрали своего делегата тоже для поездки в Петроград, подпоручика Крижановского, который между прочим из Петрограда уже приехал штабс-капитаном, ставши сторонником Керенского.

СОВЕТЫ И ПАРТИЙНЫЕ ГРУППИРОВКИ В АРМИИ

В первые же дни революции в армии стали создаваться советы солдатских депутатов, которые так или иначе взяли на себя руководство теми митингами и собраниями, которые происходили в армии. Все ораторы попрежнему причисляли себя к социалистам. Но какие они социалисты никто не говорил; чувствовалась какая-то боязнь открыть свою принадлежность к той или иной партии. Еще полной уверенности в победе революции не было. Разумеется, многие выступавшие на солдатских собраниях были действительно социалистами, но много было и волков в овечьей шкуре, потому что открыто защищать только что павший монархический строй было нельзя. Как-то на заседании исполнительного комитета Бучачского гарнизонного совета солдатских депутатов я поднял вопрос о том, что «время всем нам открыть программы своих политических убеждений, а то все именуют себя социалистами, но редко кто говорит, к какой партии принадлежит. Между тем, под флагом социалиста выступает всякая монархическая и прочая сволочь, и в солдатских головах получается большой сумбур. Я предлагаю устроить гарнизонное собрание, на котором кто-либо из нас должен выступить с докладом по текущему моменту». Это предложение долго обсуждалось, и в процессе обсуждения выяснилось, что среди нас только три социал-демократа: Емельянов — меньшевик, по образованию юрист,

затем подпоручик, этапный комендант гор. Бучача (фамилии его не помню), тоже меньшевик, и я — большевик. Остальные человек двенадцать — эсеры. Долго спорили о том, нужно ли открывать свою принадлежность к той или иной партии. Решили, наконец, что нужно открыть, кто к какой партии принадлежит, и поставить доклад о текущем моменте. Никто не хотел взять на себя этот доклад, и пришлось мне взяться за подготовку к нему. Пришел под утро с собрания домой, обложился газетами и начал готовиться к докладу. Читаю в газете такую фразу: «Меньшевики-интернационалисты». «Что за чушь, думаю, не опечатка ли?» Перевернул газету, несколько раз прочел это слово и пришел к выводу, что это не опечатка, но раз пишут «интернационалисты» — значит есть и не интернационалисты.

В этот момент вследствие своей оторванности за два с половиной года своего пребывания на фронте я не знал о происшедших перегруппировках и появлении среди с.-д. кроме большевиков и меньшевиков еще интернационалистов.

Кое-как собрался с силами для выступления с докладом о текущем моменте. Волновался, так как предстояло выступать на многолюдном разношерстном собрании, где меня будет слушать не только масса, но и люди теоретически более подготовленные, как меньшевики — врач Маркович и юрист Емельянов и целая плеяда эсеров. Но все же я выступил с докладом. Вследствие той же оторванности я не вполне правильно тогда охарактеризовал текущий момент, больше всего говорил о том, как мы смотрели на войну, когда она началась,

и вообще что такое война и кто виновен в ее возникновении.

Первым с критикой доклада выступил эсер Розенштейн, который стал критиковать социал-демократов и превозносить свою партию эсеров, но солдаты не давали ему говорить не потому, что он эсер, а потому, что он — еврей: евреи всегда, мол, идут против русских. Пришлось разъяснить солдатам, что оратор не потому говорит против, что он еврей, а потому, что он отстаивает взгляды другой партии, которая иначе смотрит на текущий момент и вообще на все вопросы. Я сказал, что теперь все наций равны, и разъяснил, кому было выгодно угнетение малых национальностей в России. С критикой доклада, как одностороннего, однобокого выступали, главным образом, эсеры. Однако в защиту моего доклада ни один из присутствующих здесь меньшевиков не выступил. Емельянов, будучи неплохим оратором, ничего лучшего не нашел сказать, как только то, что он далеко не согласен с докладчиком, указав, что свою точку зрения, он изложит после, в особом докладе.

Так или иначе начало было положено: о партиях заговорили. От меня отшатнулась вся эсеровская публика, считая меня хорошим, но заблуждающимся парнем. «Лучше было бы, если бы ты был эсером, тогда мы твою кандидатуру выставили бы в учредительное собрание». Мне пришлось остаться политически одиноким; хоть бы один большевик был среди нас, с кем можно было посоветоваться. Емельянов и другие меньшевики частным образом все читали мне нотации, что надо

быть сдержанным особенно в отношении к эсерам. Наоборот, мы с ними должны объединиться, чтобы достигнуть социалистического большинства в учредительном собрании. О партиях заговорили, но партийных групп, вполне организованных, у нас в армии еще не было. Стало постепенно вылезать контрреволюционное офицерство, натравливая офицеров против советов, как самочинной организации, никаким законом не предусмотренной и где солдаты главенствуют над офицерами.

Однажды мне пришлось присутствовать на собрании одних офицеров, где они обсуждали вопрос о своем угнетенном положении. Ставили они вопрос так, чтобы в советах были пополам поделены голоса: половина голосов должна принадлежать солдатам, а половина офицерам. Нелепая постановка вопроса. Бока болели от хохота при виде того, как они конструировали президиум своего собрания и как они три часа бились над этим вопросом: сколько ни выбирали председателей собрания, никто из них не умел вести собрания. Кончили тем, что выбрали солдата-меньшевика Емельянова, как председателя совета, а ему удалось свести их собрание к нулю. Вынесли решение, что собрание созвано по недоразумению, и разошлись. Офицерский состав, хотя и был недоволен советами, но боялся это недовольство выявлять перед солдатами. Скоро получили от Временного правительства положение о военных комитетах, стали организовывать ротные и фронтовые комитеты, и в то же время продолжали существовать по праву революции гарнизонные советы, не предусмотренные никакими положениями. Мы свой

Бучачский гарнизонный совет солдатских депутатов переименовали в совет солдатских и офицерских депутатов. Таким переименованием некоторую часть офицерского состава приблизили к себе и выбили почву у монархической части офицерства формировать офицерскую касту. Однако здесь организованных партийных ячеек еще не было ни у эсеров, ни у меньшевиков, ни у нас, большевиков.

Выбранная две недели тому назад на гарнизонном собрании для посылки в Петроград делегация в составе меня и чертежника эсера Борисова на одном из собраний гарнизона, после произнесенной мною речи, получила, наконец, мандаты. В то же время командующим армией генералом Щербачовым была дана телеграмма о забронировании для нас трех мест в мягком вагоне. Штабные офицеры избрали из своей среды также делегата подпоручика Крижановского. Утром подали машину, на которой мы все трое отправились в Тарнополь.

В Тарнополе я встретил того самого Медведовского, который в 1915 году был писарем на этапе. Оказалось, что за свои «подвиги» он получил «Георгия» и бравировал этим обстоятельством. Он произвел на меня впечатление издерганного человека, говорил он бестолково, всякую чепуху, и я решил его избегать.

Устроились мы все трое в купе мягкого вагона, из которых, как правило, солдаты выгоняли офицеров, располагаясь в них сами, нас же как делегатов, наоборот, оберегали: «Это наши представители, они имеют право ехать в мягких вагонах», —

говорили солдаты. По приезде в Петроград, я немедленно направился во дворец Кшесинской, где в то время находились наши большевистские организации. Там я встретил знакомых мне по партийной работе в Петербурге в 1906—1908 годах товарищей, и мне немедленно дали партбилет, зачислив в актив петроградской организации. 4 апреля я попал на доклад В. И. Ленина на тему о задачах русской революции, который был прочитан тогдашнему активу, разместившемуся в буфете Таврического дворца (ныне дворец Урицкого). Все прослушали доклад В. И. Ленина с глубоким вниманием, и стало ясно для меня, как надо действовать большевикам в армии. Я усиленно стал хлопотать о том, чтобы как можно больше захватить с собой на фронт большевистской литературы. Литературу я получил в ЦК большевиков частью бесплатно, и частью, по его указанию, закупил на деньги. Для связи с организацией, как едущего на фронт, меня направили к Е. Д. Стасовой, которая, записав мой адрес, выдала мне от имени ЦК большевиков удостоверение о том, что я являюсь уполномоченным ЦК и что мне поручается защищать программу партии.

Впоследствии т. Стасова регулярно информировала меня о важнейших постановлениях ЦК нашей партии и снабжала соответствующей литературой, которую ради конспирации я иногда получал завернутой в эсеровские газеты.

На фронт я уехал через Москву, где у меня было много товарищей, знакомых по совместной партийной работе до революции, как например П. И. Кушнер, Лабковский и другие. При помощи

их я пополнил свой литературный багаж. По пути я также остановился в Киеве, где связался с киевской большевистской организацией, которая являлась ближайшей от Юго-западного фронта организацией. Впоследствии киевская организация не плохо снабжала нас большевистской литературой.

К моменту возвращения нашей делегации в Бучач, здесь заканчивал свои работы первый армейский съезд, на который оказались избранными и мы. Когда я пришел на съезд, то вижу эсер Борисов, ездивший со мной в Петроград, расположился в углу со своей эсеровской литературой. Продает ее солдатам, и желающих записывает в партию, копируя то, что он видел в Петрограде, в Таврическом дворце. Я попросил своих типографских ребят тоже принести литературу, которую я привез из Петрограда. «А цены какие ставить на газеты и мелкие брошюры?» — спрашивают они. «Никаких цен, откуда у солдата могут быть деньги? Раздавайте даром, нам нужны теперь не деньги, а масса»,— говорю я. Нашу литературу разобрали мигом. Через несколько часов кто-то взял вне очереди слово, предложил снять кресты и медали и пожертвовать их в пользу газеты «Правда». Борисов, бросив торговлю, подбежал к трибуне, и кричит, что надо половину сбора отдать и на газету «Земля и Воля», которая лучше «Правды». «Правду» издают большевики, во главе с Лениным», — кричит этот негодяй. «Мы не знаем вашей газеты!» — отвечают солдаты. «Правду» мы знаем, а когда узнаем вашу, тогда посмотрим». Куда пошли эти кресты и медали я не знаю, так как в армейский комитет прошли в большинстве эсеры

и меньшевики, ибо среди солдат в начале революции сознательных большевиков было очень мало. У эсеров были крупные силы, например, подпоручик Степун, кажется профессор, и притом не плохой оратор. У меньшевиков был юрист Емельянов, доктор Ружейников и другие. Из большевиков на этом съезде я был в одиночестве. Работа этого съезда велась под руководством эсеров. Они быстро организовали свою фронтовую организацию, в которую призывали записываться «всех честных граждан». Их организация настолько разбухла, что куда бы ни плюнул, непременно попал бы в эсера. Даже некоторые «идейные» эсеры стали этим тяготиться. Армию заполнили приезжающие агитаторы из тыла. Сперва приехали депутаты Государственной думы, кадеты Дуров, Демидов и другие. Солдаты еще не успели разобраться в политических событиях и их тоже встречали с красными флагами. За ними последовала целая плеяда агитаторов эсеров и меньшевиков, которые агитировали за наступление. Вполне определившихся партийцев большевиков у нас еще не было. Только наши типографщики, вопреки настроению печатников в тылу, были настроены большевистски, так как им надоела война и хотелось скорейшего ее окончания, поэтому типографией нашего штаба было много перепечатано большевистских статей из «Правды» и мелких брошюр, очень близких и доступных солдатам. Все это быстро отправлялось на фронт при помощи летучей почты, самокатчиков и мотоциклистов, которые также хотели скорейшего окончания войны и охотно распространяли нашу литературу. У эсеров создалось впечатление, что

у большевиков есть на фронте хорошо оборудованная подпольная типография, между тем все это печаталось в армейской типографии в порядке добровольности. Вместе с тем к официальной работе, которая поступала из штаба и армейского комитета, относились спустя рукава. Нередко работа армейского комитета залеживалась в типографии очень долго, и на этой почве было много трений с редактором армейской, т.-е. эсеровской газеты. Во время печатания этой армейской газеты у нас всегда или «нехватало» бумаги, или «портилась» машина. И как «на грех» среди членов армейского комитета не было ни одного печатника, который бы мог проникнуть во все тайны этого саботажа рабочих.

Однажды был сделан донос комиссару армии эсеру Б. Савинкову, что я, якобы, устраиваю большевистские собрания. Б. Савинков передал это дело на рассмотрение армейского комитета, куда меня и вызвали. Я никаких митингов по ночам не устраивал и не было в них никакой нужды, что великолепно знали и некоторые члены армейского комитета. В армейском комитете меня порасспросили об этом, и тем дело и кончилось. Этот донос говорил о том, что эсеровской контрразведке всюду мерещилась подпольная работа страшных для них большевиков.

Настало время нашего отчета о поездке в Петроград. Для заслушания наших отчетов собрали многолюдное гарнизонное собрание, на котором мы все три делегата и выступили со своими отчетами. Конечно, все наши три отчета были не похожи друг на друга. По нашим отчетам развернулись широкие прения, в которых приняли необыкновен-

но живое участие и штабные офицеры, которые до этого ни разу не выступали на гарнизонных собраниях. Все речи штабных офицеров состояли из ругани по адресу т. Ленина. На всякие лады склонялась этими царскими служаками выдуманная буржуазией история о «запломбированном вагоне» и о «предательстве большевиков родины». Причем один из штабных офицеров в своей ругани дошел до того, что назвал предателями, изменниками всех русских социал-демократов в том числе и меньшевиков, которых, мол, водят за нас германские социал-демократы, в доказательство чего приводил такую несуразную чепуху, что, якобы, когда началась в 1914 году война, Вильгельм спросил вождя немецких с.-д. А. Бебеля: «Что теперь нам, немцам, надо делать?» Бебель ответил: «Надо лить снаряды и бить русских». «А русские с.-д.,— говорил царский служака,— тем только и занимались, что предавали Россию Германии». Говоря о Бебеле этот невежественный прохвост и не подозревал, что Бебель умер в 1913 году, а война началась в 1914 году. Такие речи задели за живое даже меньшевиков. На этих «оппонентов» набросился меньшевик доктор Маркович, который корчил из себя большого теоретика, любил на солдатских митингах говорить много замысловатых ученых слов, со ссылками на Энгельса и Маркса. Начал Маркович свою речь так: «Я, Маркович, состою 20 лет в партии с.-д. и 15 лет служу военным врачем, я никогда не был большевиком и в данный момент являюсь последователем Г. В. Плеханова, основоположника русского марксизма. За время своей службы военным

врачем я не встречал социалистов в офицерской среде, и они сегодня своими выступлениями доказали свое невежество в понимании социализма, и вы, солдаты, будьте осторожны, не поддавайтесь обаянию офицерских речей. Ленина мы все знаем хорошо. Под псевдонимом Ленина скрывается В. И. Ульянов, который написал книгу «Развитие капитализма в России» и своими трудами он дал материал для разработки аграрного вопроса в России. Ленин мог бы быть министром земледелия, но он свою карьеру сменил на изгнание, служа 20 лет рабочему классу. Плеханов всегда ценил Ленина, как твердого, ортодоксального марксиста. Ленин,— продолжал меньшевик Маркович,— безусловно занял неправильную позицию в нынешней русской революции, но это объясняется тем, что он был оторван от России, все время жил за границей, и поскольку эта линия неправильна, мы будем с ней бороться». Дальше Маркович продолжал развивать взгляды меньшевиков-плехановцев, как самые правильные в нынешней революции, снабжая свою речь иностранными учеными словами. Однако Маркович достиг обратных результатов. Солдаты приняли его за ленинца и шумно аплодировали ему. Получилось так, что Маркович невольно лил воду на мельницу большевиков. «Раз Ленин умный и хочет заключить мир, то мы пойдем за ним»,— говорили солдаты после собрания.

Каждый солдат хотел скорейшего мира, но ему морочили голову и пугали Вильгельмом.

Несмотря на то, что солдаты в своей массе были настроены большевистски, у нас все еще не было

настолько сознательных партийцев, чтобы можно было из них организовать большевистскую ячейку. Не было такой ячейки и у меньшевиков, несмотря на наличие среди них таких работников, как доктор Маркович. Среди называвших себя социал-демократами были такие товарищи, которые еще окончательно не определили свою принадлежность к большевикам, или меньшевикам. И вот весь этот пестрый состав социал-демократов стал собираться в нашей типографии для обсуждения как вопросов текущего момента, так и возникавших вопросов организационных. Такое объединение вызывалось также необходимостью совместных действий против контрреволюционного монархического офицерства. В результате этих собраний впоследствии было образовано из пяти лиц «организационное бюро», в которое вошел и я в в качестве его председателя. Секретарем бюро был также большевик.

Наряду с распространением литературы и прочего бюро должно было заняться также вербовкой среди солдат социал-демократов, предоставляя возможность каждому из них примкнуть к большевикам или меньшевикам. Такого рода кажущееся нелепым объединение вызывалось тогда местными условиями и необходимостью борьбы как с монархическим офицерством, так и с эсеровским засильем в армейских комитетах, с которыми здешние меньшевики еще не успели сдружиться, как это было позднее. К тому же в это время среди солдат еще не успели как следует выявиться большевистски настроенные товарищи, из

которых можно бы было создать особую большевистскую группу или ячейку.

К нам каждый день приходили товарищи из различных частей армии, которых мы снабжали литературой и всем, чем могли. Помещение при механическом заводе армии превратили в клуб. Среди типографских рабочих нашлись и художники. В нашем клубе было самое лучшее знамя, оказалось пианино, был хор и музыканты — на мандолине, балалайке, гитаре и даже на скрипке. Была библиотека и газеты, какие только тогда выходили. Однако больше всего читали доступную для солдат киевскую большевистскую газету «Голос социал-демократа». На эту газету по инициативе самих солдат в типографии производились сборы денежных средств. Во время официального открытия клуба был устроен своими силами концерт. Эсерам наш клуб понравился, и они предлагали сделать его общим, но бюро наше отклонило их предложение. Каждый день в клубе устраивались доклады, сопровождавшиеся диспутами. С докладами выступали больше всего меньшевики Маркович и Перец. Я больше выступал оппонентом в прениях и реже чем они с докладами. В процессе обсуждения этих докладов по вопросам текущего момента, что такое партия и учредительное собрание, происходили столкновения с меньшевиками. В результате этих собраний типографские рабочие окончательно перешли на сторону большевиков. Приходили в наш клуб солдаты и из других частей. Так как помещение клуба было небольшое, то многолюдные собрания обычно устраивали в Бучачском театре или под откры-

тым небом. В типографии мы все продолжали перепечатку всего того, что было необходимо распространить среди солдатской массы по частям, причем недостатка в распространителях не чувствовалось. Хотя формально принадлежащих к партии даже в рабочей среде, в типографии, на заводе и т. п. было не так много, но зато сочувствие большевикам было огромное.

Чтобы охарактеризовать настроение солдат, бывших рабочих, я считаю необходимым остановиться несколько подробнее на одном переплетчике, работавшем у нас в типографии. Фамилия его Груздев. Не один раз был он ранен и контужен. Пришел он к нам в типографию работать за несколько месяцев до революции. Груздев никогда не аплодировал ни одному оратору, который призывал вести войну до «победоносного конца», как бы он красиво ни говорил. И так ему все это надоело, что кто бы ни приезжал из тыла в качестве агитатора от эсеров и меньшевиков, всех их он называл учеными обманщиками и скоро окончательно перестал ходить на собрания, предпочитая вместо собрания удаляться в лес, собирать ягоды и прочее. Когда Груздева спрашивали, к какой он партии принадлежит, он отвечал: «Я запишусь в ту партию, которая скажет: долой войну и бей буржуев!». Когда он стал читать «Правду» и познакомился со статьями Ленина, он заявил: «Вот в эту партию, в которой состоит Ленин, я пойду. Ленин как раз излагает то, что я думаю». Груздев понаделал художественных рамок для портретов выдающихся деятелей социализма, которые мы считали нужным развешивать в клубе. Но вот как-

то пришли к нему эсеры с просьбой сделать рамку для Керенского, предлагая ему за работу сто рублей. В то время для солдата сто рублей были большие деньги, тем не менее Груздев наотрез отказался делать рамку для портрета Керенского за какую бы то ни было цену, ехидно подчеркивая: «А вот для Ленина сделаю бесплатно», хотя тогда еще портретов Ленина в армии не было. Много было также солдат, которые нигде не выступали, втихомолку читали большевистские газеты и все прочитанное передавали своим товарищам по службе.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ 18 ИЮНЯ 1917 ГОДА

Вследствие погромной агитации, которую не переставала вести в армии против большевиков буржуазия вместе с эсеровскими комитетами, и имевших место кой-где самосудов над большевиками, иногда приходилось приспособляться и не говорить о своей партийности. То на погоны офицерские сошлешься, которые ненавидели солдаты, то укажешь, кто сколько от войны заработал, не жертвуя ничем, то к братанью с неприятельскими солдатами призовешь и незаметно для массы выскажешься в духе партии большевиков. Одобрительно хлопают. Выступает эсер и говорит: «Кому вы хлопаете? Ведь это большевик-ленинец!». Кое-кто из толпы с места выкрикнет: «Ленинец, а правду говорил!» Было немного солдат среди типографских рабочих, а также в других частях, крепко сагитированных в большевистском духе, но они еще не умели выступать, занимаясь, глав-

ным образом, распространением литературы. Эсеры и меньшевики усиленно вели агитацию за наступление русской армии против немцев. Для подготовки предполагаемого по указке союзников наступления к нам в армию приехал премьер Временного правительства эсер Керенский, в сопровождении Н. Д. Соколова. Последний почти ничего не говорил, но зачем-то, очевидно, в качестве адъютанта, гастролировал с Керенским по фронту. В некоторых местах распропагандированные эсерами солдаты носили Керенского на руках, не подозревая какую гнусную роль играл этот человек в предполагаемом наступлении. Так как большевики являлись противниками этой затеянной буржуазией авантюры, стоившей многих тысяч человеческих жизней, то в большевики зачисляли всех дезертиров и вообще людей, имевших смелость сказать, что они итти в наступление не желают. Нам стали зажимать рот. Меня исключили из Бучачского гарнизонного совета только за то, что я не подчинялся его решению ходить на этапные пункты вместе с другими членами совета для агитации за наступление. Но типографские рабочие опять меня выбрали не только в совет, но и на 2-й съезд армии, который собрался в Бучаче 10 мая.

На открытие съезда пришел комиссар армии эсер Б. Савинков. Он привел с собой французских офицеров, речи которых он же переводил на русский язык. В целях агитации за наступление Б. Савинков, между прочим, говорил на съезде, что Франция — самая свободная страна в мире, где он, Савинков, будучи приговорен в России к смертной казни, нашел себе приют, поэтому, мол, мы

должны пойти с ней рука об руку и победить Германию. Выступления Савинкова и других эсеров в конце концов определили решение съезда.

Центральным вопросом на съезде был вопрос о предстоящем наступлении, но прежде чем приступить к этому вопросу эсеровские заправилы поставили вопрос о братании на фронте, которое к этому времени было сильно в армии распространено. В своих речах эсеры доходили до утверждения, что будто бы брататься хотят только бывшие городовые и жандармы, которые сделались теперь большевиками. Сидящий рядом со мной солдат говорит мне: «Вот это неверно: я никогда не был ни городовым, ни жандармом, а брататься с австрийцами ходил, и все мы ходили». Я ему говорю: «Так ты запишись, взойди на трибуну и заяви, что оратор неправильно говорит». «Нет, я боюсь это сделать, — говорит он, — видишь, там сидят все офицеры и даже генерал сидит, еще могут арестовать, а то и расстреляют за это». Как я ему ни доказывал, что за выступление ничего не будет, солдат не соглашался выступить. «Теперь, — продолжал солдат,— стало строго насчет братания, и говорить об этом я не буду, а то узнают, что я ходил брататься». Братанье, разумеется, было осуждено съездом. Один только солдат Филатов, петроградский рабочий, большевик, высказался за братание, но ему не дали закончить свою речь. Начались крики, что он является переодетым жандармом. Вопрос о братаньи обсуждали около двух дней, а потом перешли к вопросу о предстоящем наступлении, который, в свою очередь, обсуждался съездом три дня. Наговорившись вдосталь, эсеровские

провокаторы привели на съезд какого-то не то шофера, не то самокатчика, который от своего имени расклеивал по городу какие-то бумажки в виде прокламаций с призывом: «долой войну!» Вот, мол, смотрите,— расходились эсеровские ораторы,— здесь на съезде большевики молчат, точно воды в рот набрали, а на улицах расклеивают прокламации с призывом «долой войну!». Толпа съезда так была наэлектризована против этого человека, что готова была разорвать его в клочки, но его арестовали и куда-то увели.

В то же время большевикам было предоставлено слово вне очереди по этому вопросу. Пусть, мол, они представят мнение своей партии съезду— в противном случае они жалкие трусы. Филатов опять пошел к трибуне и, как большевик, получил слово вне очереди. Когда он взошел на трибуну, поднялся такой шум, что он сошел с трибуны, ничего не сказав. После него вступил на трибуну и я. Меня также перебивали на каждом слове. Я отказывался от слова, если президиум не сумеет призвать собрание к порядку и предоставить возможность говорить ораторам большевистской партии. Президиум тщетно старался призвать к порядку и спокойствию разбушевавшуюся эсеровскую толпу. Мне все же удалось сказать, что партия ничего общего не имеет с тем товарищем, который от своего имени расклеивал прокламации по городу. «Вы представили его большевиком, но большевики не анархисты, и от своего имени ни один член партии издавать прокламации не может. Вы, наверно, придумали этого большевика, которого приводили сюда на три-

буну. Однако, поскольку мы считаем наступление бессмысленным, ненужным, мы будем об этом говорить везде и всюду; это — наше убеждение и отнять его у нас вы не можете». Но мне не дали закончить свою речь. Пока я говорил с мест все время меня перебивали криками: «Окопался в тылу, поэтому и боишься, чтобы не пойти на фронт», и так далее. Дошло до того, что даже один меньшевик вынужден был заявить с трибуны, что «нельзя пользоваться неосведомленностью делегатов съезда, перед которыми большевизм изложен не как течение в РСДРП, имевшее свою славную историю в борьбе за освобождение рабочего класса; от такого изложения большевизма, какое было здесь на съезде, должен покраснеть каждый из нас. Большевизм имел и имеет большое влияние и на рабочих и на солдат, и что мы еще не знаем, что покажет ближайшее будущее и чем кончится предстоящее наступление. Во всяком случае верно то, что армия не представляет себе ясно, во имя чего она воевала и во имя чего она сейчас должна наступать. Лично я против братанья, которое используется немецкой контрразведкой, так же как и против этого скоропалительного, необдуманного наступления, которое может кончиться крахом для усталой от войны русской армии». Из речи этого меньшевика было видно, что в их среде нет единства в вопросе о наступлении, как это было у эсеров-фронтовиков. Тогда еще о левых эсерах на фронте не было слышно. Больше того: приходилось встречать меньшевиков из рабочих, старых членов партии, которые явно со-

чувствовали большевикам и только по традиции они плелись еще за меньшевиками.

Один солдат самокатной роты, Макаров, принадлежавший к этой категории меньшевиков, делал на этом съезде доклад о фронтовом съезде, и он с таким подъемом прочел отвергнутую съездом большевистскую резолюцию против наступления, что вызвал шумную овацию съезда, и в то же время он вяло, без всякого подъема прочел принятую съездом эсеровско-меньшевистскую резолюцию. Когда его спросили, почему он вяло прочел резолюцию, за которую сам голосовал, и, наоборот, с таким подъемом прочел большевистскую резолюцию, Макаров ответил: «Потому, что большевистская резолюция написана слишком ясно и четко. Ясно, чего они хотят. В то же время этой ясности и четкости в эсеровско-меньшевистской резолюции, принятой съездом, как раз и нет, хотя я за нее и голосовал в порядке партийной дисциплины».

После трехдневной говорильни были произведены выборы на всероссийский съезд советов. Прошли одни эсеры. Меньшевики обиделись, но скоро помирились, сделали перевыборы, и им предоставили 2—3 места. На этом парадная работа съезда была закончена. Главные эсеровские болтуны разъехались, торопясь на съезд советов в Петроград, остальные вопросы, как аграрный и целый ряд мелких чисто армейских вопросов, обсуждались без них. По аграрному вопросу приняли резолюцию о необходимости отбирать землю у помещиков сейчас, не ожидая учредительного собрания. Потом принялись за уравнение жалованья

офицеров и сестер милосердия с солдатским жалованием. Вообще в вопросах, понятных для солдат, последние были настроены «левее».

Мне с тов. Важновым удалось снабдить весь съезд киевским «Голосом социал-демократа», по тогдашнему времени очень хорошей большевистской газетой, и прочей литературой. Нам удалось для этой цели специально послать в Киев человека. Разрешение на эту командировку я получил тут же, на съезде, от начальника штаба, генерала Незнамова. Я подошел к генералу, взяв под козырек. Я, мол, председатель организации РСДРП, нам нужно командировать человека в Киев за литературой; ваш комендант артачится, не хочет дать разрешения. Под давлением революционных событий многие генералы опасались вступать в конфликт с возникшими в армии организациями, поэтому генерал, в свою очередь, взяв под козырек, заявил, что все нужное для командировки можно получить тотчас же, и на клочке бумаги тут же написал коменданту, этому отъявленному монархисту, чтобы немедленно на имя такого-то солдата были выданы документы на срочную командировку в Киев. Газеты и литература были доставлены во-время. Маркович и Перец, члены бюро, были недовольны тем, что была доставлена только большевистская литература. Тут мы с тов. Важновым их просто надули, сказав, что мы товарища послали в Киев и к меньшевикам, но у них литературы не оказалось.

Нашему Бучачскому бюро во время заседаний съезда удалось созвать общее собрание всех с.-д. участников съезда, которых оказалось около 30 че-

ловек, в том числе 2 большевика, причем большинство среди этих социал-демократов состояло из «диких», не успевших еще окончательно примкнуть ни к большевикам, ни к меньшевикам. Долгая служба в армии отрывала людей от жизни, и отсталость от партийной жизни давала себя чувствовать. Мне, как председателю бюро, пришлось выступить первому и разъяснить цель нашего собрания, а также, что представляет из себя бюро и что нам необходимо учесть, какими силами мы располагаем в 7-й армии и так далее. После меня выступил т. Филатов, высказывавшийся против совместной работы с меньшевиками. Однако разошлись не приняв по этому вопросу никакого решения. После этого собрания в типографии состоялось большевистское совещание, на котором присутствовали т. Филатов, я, члены армейского съезда и приехавший в типографию из окопов тов. Чистяков. Он доложил нам, что среди солдат растет определенно настроение в нашу пользу, и нам, большевикам, надо поддерживать теперь друг с другом связь, так как в связи с предстоящим наступлением начинаются аресты и открыто выступать большевикам становится невозможно. Вскоре после этого собрания у нас в типографии удалось организовать большевистскую ячейку, которая усиленно занялась распространением серди солдат большевистской литературы, используя в то же время печатный станок типографии. Затем стали появляться большевистские ячейки и в других частях нашей армии. Почти перед самым наступлением по состоянию здоровья я был уволен на 2 месяца в отпуск и уехал в Москву.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Проездом в Москву я на несколько дней остановился в Мариуполе. Из Мариуполя в это время отправляли на фронт войска. Отправка войск сопровождалась молебнами и приветственными речами представителей различных партий кроме большевиков.

Вскоре после отправки войск по Мариуполю распространился слух о выступлении большевиков в Петрограде. Это было известное июльское выступление большевиков, после которого злобная клевета против нашей партии еще более усилилась.

Из Мариуполя я поехал в Москву через Харьков. После Харькова в вагонах поезда, в котором я ехал, контрреволюционные элементы и спекулянты вызывающе ругали большевиков, пытаясь восстановить против них ехавших в поезде солдат. Создалось такое положение, что достаточно было сказать в защиту большевиков несколько слов, как эти озверелые контрреволюционеры выбросили бы тебя из вагона на ходу поезда. На одной из остановок я заглянул в окна вагонов второго класса и увидел, что они полны женщин в солдатской форме. Это везли из Харькова в действующую армию сформированный Керенским женский батальон смерти. Чтобы отвлечь солдат от травли большевиков, я говорю им: «Вы вот кровь проливали на войне и едете в 3-м классе,

в тесноте, в то время как женский батальон едет в этом же поезде во втором классе». «Где? — загалдели солдаты, — как это так? Нас возили кровь проливать в теплушках, а этих... которые будут также воевать, как сестры воевали с офицерами, возят еще во втором классе!» Они начали шуметь, забыв про большевиков, и полезли во второй класс. Тема разговора была изменена, чего я и добивался.

В Москве, зарегистрировавшись у воинского начальника как солдат, освобожденный от службы по слабости здоровья на 2 месяца, пошел в союз печатников предлагать свои услуги как работник. В это время в правлении союза сидели меньшевики. Когда они узнали, что я большевик, то предложили мне зарегистрироваться и ждать своей очереди, т.-е. решили от меня отделаться, как от нежелательного для них элемента. Тогда я обратился к моему старому товарищу по партийной работе в городе Риге П. И. Кушнеру, работавшему в МК, и он посоветовал мне пойти работать в Московский губернский совет рабочих депутатов, где я впервые встретился с В. Ф. Плетневым. В Московском губернском совете рабочих депутатов меня утвердили инструктором по инструктированию уездных и районных советов. Одновременно я связался с бюро военной организации при МК РСДРП(б) в лице О. А. Варенцовой и стал работать и в совете и в бюро, снабжая оставшихся на фронте товарищей необходимой литературой и газетами.

В августе я получил из армии сведения, что там образовалась самостоятельная большевистская организация и что фронтовая конференция выста-

вила мою кандидатуру в Учредительное собрание. Товарищи спрашивали, согласен ли я баллотироваться. Я немедленно ответил, что согласен, но в армию не поехал, так как был очень загружен работой в Москве и к тому же получил от комиссии продление отпуска еще на 2 месяца. Однако связь с типографией штаба армии я не порывал, получая от товарищей необходимую информацию.

Однажды ко мне зашел приехавший в Москву в отпуск тот самый Груздев, который не хотел делать рамку для портрета Керенского. Он уже состоял в нашей партии и рассказывал мне, в каких кошмарных условиях приходилось им отступать после прорыва немцами фронта под Тарнополем. Несмотря на аресты большевиков, в армии быстро росла популярность нашей партии. Груздев утверждал, что я пройду в учредилку. В октябре я получил от товарищей телеграмму с просьбой приехать в армию, однако октябрьский переворот в Москве помешал мне это сделать. Когда в Москве бой был закончен, я сейчас же поехал в армию. Когда приехал туда, то оказалось, что там уже был, по примеру Петрограда и Москвы, совершен переворот. Старые армейские комитеты, в которых сидели эсеры и меньшевики, поразогнали, и на их места были назначены ревкомы. Происходили бесконечные собрания и митинги. Я сейчас же потонул в них. Выборы в Учредительное собрание только-что были закончены. Хотя в большинстве и прошли эсеры, но настроение в армии было далеко не в их пользу; большевики больше всех говорили и писали о мире, и армия фактически шла за ними. Между про-

чим от юго-западного фронта в Учредительное собрание прошли т. Ленин и, кажется, Чудновский.

Строго говоря, армии, как таковой, уже не существовало. Кто хотел, тот без всякого разрешения уезжал к себе домой, даже из нашей типографии многие поразъехались и больше не возвращались. Солдаты ехали на крышах, на тормозах, на буферах вагонов. Многие оставались лишь потому, что железные дороги не могли справиться с наплывом желающих уехать. Среди оставшихся дисциплина ослабла. Отдельные группы солдат, преимущественно состоящие из кулацких и деклассированных элементов, занимались мародерством и подговаривали остальных к дележу казенного имущества. Однако, несмотря на это, оставшиеся на фронте армейские части все же сдерживали неприятеля, ожидая, что после объявления перемирия будет заключен мир. В армии было сильно развито братание с неприятельскими войсками. Основная солдатская масса настроена была революционно. За период между Февральской и Октябрьской революциями эта солдатская масса успела многому научиться.

В таких условиях был назначен армейский съезд для выборов армейского комитета. Я тоже оказался выбранным. Съезд собрался 10 ноября в Каменец-Подольске. В порядке дня этого по счету третьего съезда были следующие вопросы: 1) текущий момент, 2) отчет старого армейского комитета и выборы нового. Настроение солдат теперь было не то, что раньше. Если раньше не хотели слушать большевиков, то теперь ораторам не давали говорить до тех пор, пока он не скажет, к какой он

партии принадлежит, и если он был эсер или меньшевик, то шумели, кричали, не давали говорить, мстили за прежний обман; наоборот, если большевик, то авансом аплодировали, а там говори, что хочешь. Солдаты усвоили лишь одно, что большевики — это и есть та партия, которая одна только способна удовлетворить их солдатские нужды и ликвидировать войну. Критиковать т. Ленина противники большевиков теперь не могли без риска быть поднятыми на штыки.

Тов. Васянин, как комиссар армии, сделал доклад о текущем моменте, и речь его тянулась на протяжении трех часов. Говорить он умел хорошо, с подъемом, и настолько увлекся, что следить за содержанием своей речи он уже был не в состоянии, тем не менее съезд прослушал его речь с большим вниманием. Одно только из его речи можно было уловить, что он подготовлял армию к разгону Учредительного собрания, если оно будет против октябрьского переворота. Правые эсеры и меньшевики из себя выходили; они прекрасно понимали, что после такой агитации армия будет окончательно подготовлена к его разгону. Поэтому они пытались всячески стращать тем, что разгоном Учредительного собрания воспользуются монархисты для реставрации в России монархического строя.

Прежний эсеровский армейский комитет в последний момент отказался представить съезду отчет. Никто от него на съезд не явился, и вместо отчета была прислана письменная «грамота», в которой озлобленные эсеры всячески ругали армейский съезд, заявляя, что они будут бороться до

конца с этим съездом и большевистской властью. Положение было слишком серьезное. Съезду было не до того, чтобы разбирать эту грамоту, и он прошел мимо нее. Перешли к выбору командующего армией. Вместо прежнего генерала Цеховского выбрали командующим 7-й армии большевика молодого штабс-капитана Папа-Трандафилова. Съезд потребовал доставить прежнего командующего армией, генерала Цеховского, для отчета об его деятельности. К этому времени приехал на съезд и комиссар фронта тов. Кузьмин, великолепный оратор, которого съезд выслушал с большим энтузиазмом. Стали распространяться слухи, что генерала собираются убить. Бюро фракции съезда поняло, что оно допустило ошибку, согласившись доставить генерала на съезд, так как его убийство анархистскими элементами было бы всячески использовано врагами Октябрьской революции. Но отменить решение было уже поздно. Тогда были приняты меры к тому, чтобы не допустить самосуда над генералом. На трибуну были выпущены самые популярные ораторы, чтобы подготовить почву для безопасности генерала, и усилили конвой более надежными солдатами. Генерал был доставлен в полной невредимости и незаметно поместился в президиуме съезда, так как был без погон (в это время был уже издан приказ о снятии офицерских и вообще всяких погон). Но, когда председатель сказал, что слово принадлежит бывшему командующему генералу Цеховскому, то раздались невероятные крики: «убить его, смерть генералу». Генерал побледнел, но опять были выпущены на трибуну тов. Кузьмин и другие, и атмо-

сфера была рассеяна. Перетрусивший генерал получил слово для своего доклада. В своем «докладе» он сказал, что он подчиняется новым властям и, раз выбрали нового командующего, он ему охотно передаст дела. В прениях по докладу выступало очень много солдат, говоривших в большинстве о перенесенных обидах от офицерского состава при старом режиме. В заключительном слове генерал Цеховский говорил, что он не может взять на себя целиком всей вины за те обиды, которые солдаты терпели от монархического строя, причем, употребляя распространенный во время революции аргумент командного состава царской армии, заявлял, что он «такой же солдат», мол, как каждый из вас, что он лишь выполнял приказы свыше и того же требовал от своих подчиненных, что Керенского он также ненавидел и ненавидит за развал последним армии и что при данной ситуации всякое правительство должно заключить мир, если оно хочет сколько-нибудь дорожить интересами дорогой, истерзанной неудачной войной нашей родины. А теперь, говорит Цеховский, я прошу только одного, отпустите меня: я поеду на родину, я измучен, устал и работать не могу, мне надо отдохнуть.

— Ага, к Корнилову хочешь поехать! — закричали солдаты.

Генерала отпустили, однако солдаты оказались правы в своих предположениях. Если я не ошибаюсь, Цеховский впоследствии бежал к Колчаку и, будучи министром колчаковского «правительства», был вместе с другими арестован советскими властями после разгрома колчаковской армии и в 1920 го-

ду передан в Омске революционному трибуналу.

Покончив с генералом, съезд столкнулся с другим, более важным вопросом. Получились сведения, что киевская Украинская рада собирает силы для того, чтобы разогнать все советы и армейские комитеты и утвердить свою власть на территории Украины. Съезду пришлось оставить необсужденным целый ряд текущих жизненных вопросов для армии, как вопрос о мире, о демобилизации и так далее. Выбрали армейский комитет, призвали всех делегатов немедленно разъехаться по местам и быть стойкими в борьбе с контрреволюционой Украинской радой. В это время штаб 7-й армии находился в городке Баре Подольской губернии, и многим делегатам съезда в снежную мятель пришлось из Проскурова в Бар итти более 30 километров пешим порядком. По возвращении в Бар я сделал доклад о съезде и направился в Москву. До Киева доехал в теплушке с воинским эшелоном. В Киеве еще не чувствовалось Октябрьского переворота, и офицеры демонстративно щеголяли по Крещатику и ресторанам в офицерских погонах. В Киеве в это время господствовал Петлюра, который сформировал свои воинские части. Был отдан приказ солдат из Киева не выпускать, и мне с большим трудом удалось из него выбраться. До Москвы пришлось ехать двое суток в переполненных солдатами вагонах без стекол. Весь железнодорожный транспорт находился в кошмарном состоянии. Такие поездки больше отнимали сил, чем военная служба.

В Москву я приехал в первых числах декабря. Здесь у меня началась уже новая полоса жизни.

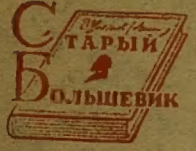
ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Рижская организация Латышской СДРП перед войной и в первые месяцы войны 1914 года	5
Вторая мобилизация в Риге и отъезд в Екатеринослав	12
Вторая мобилизация в Екатеринославе	16
Первые месяцы военной подготовки в Киеве	18
Галиция и наше отступление	26
Опять в России	39
Маршевые роты для пополнения рядов армии	50
Работа в штабной типографии	60
Канун Февральской революции 1917 г.	63
Как армия отнеслась к революции	67
Советы и партийные группировки в армии	71
Перед наступлением 18 июня 1917 года	85
Выборы в Учредительное собрание и Октябрьский переворот	93

ИЛ
БИБЛИОТЕКА

Ответ. редактор А. Цветков-Пресвятенский Технич. редактор И. И. Ионов

Сдано в производство 17/IX 1934. Подписано к печати 13/XII 1934
Формат бумаги 72×110 см 1/32 д. л. Печат. лист. 3 1/4. Бум. лист. 1 5/8 л.
В п. листе 52.000 зн. Уполном. Главлита В 99295. Зак. из-ва № 122.
Зак. тип. № 621 Тираж 3.000 экз.

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского 18.

ЦЕНА 50 КОП.
ПЕРЕПЛЕТ 30 КОП.